

Р.Э. ГЕРМАН

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
РОССИИ**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
Курс лекций

2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Министерство образования и молодежной политики
Ставропольского края
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Ставропольский государственный педагогический институт»

Р.Э. ГЕРМАН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
РОССИИ

•

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Ставрополь, 2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6–3
Г 38

Рецензенты: **Галкина Елена Вячеславовна**, доктор политических наук, профессор
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»;

Немашкалов Павел Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт».

Герман, Р.Э.
Г 38 Политическая история России: учебное пособие для бакалавриата. — Ставрополь: Изд-во СГПИ; Дизайн-студия Б, 2017. — 88 с.

ISBN 978-5-9500789-8-9

Учебное пособие написано в соответствии с программой подготовки бакалавров по направлению 44.03.05 — Педагогическое образование с двумя профилями подготовки, профили «История» и «Обществознание». В нем с учетом современных достижений исторической и политической науки рассматривается историческое развитие основных сфер политической жизни нашей страны. Пособие разделено на 7 тем (разделов), каждый раздел включает лекционный материал, список основных терминов и понятий темы, вопросы и задания для самопроверки студентов, список литературы.

Учебное пособие будет полезно и интересно не только студентам бакалавриата, но и учителям истории и обществознания средних школ.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6–3

© Герман, Р.Э., 2017.
ISBN 978-5-9500789-8-9 © Ставропольский государственный педагогический институт, 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

	ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Тема 1.	Влияние пространственно-географического фактора на историю России.	5
Тема 2.	Российские политические элиты в исторической динамике	17
Тема 3.	История модернизаций в России	27
Тема 4.	Историческая эволюция идеологических оснований российского государства	38
Тема 5.	История национальных отношений и национальной политики в российском государстве	49
Тема 6.	Исторические особенности политической культуры России	60
Тема 7.	Политика памяти современной России	69
	ЭССЕ ПО КУРСУ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ».	79

ПРЕДИСЛОВИЕ

а наш взгляд, политическая история — это особое научное направление, самостоятельная область исторического знания, главным содержанием которой является изучение истории политической жизни, политических отношений, исследование таких ее феноменов, как реформы и контрреформы, революции и контрреволюции, прогрессивные и регрессивные процессы в обществе. Политическая история — дисциплина на стыке истории и политологии, изучающая историю политических теорий и институтов, политических событий, их взаимосвязь в историческом аспекте.

Основные объекты ее изучения — политическая деятельность правительства и народных масс, классов и социальных групп, политических лидеров и других субъектов политической жизни, политических отношений. Изучение механизмов власти, ее структуры и функций, а также исследование политических систем и политических режимов, политических элит и политической культуры общества — таковы существенные задачи политической истории. В сферу изучения политической истории входит также развитие общественно-политической мысли, идеологий, политического сознания и менталитета масс.

Данное учебное пособие знакомит читателя с так называемыми «сквозными» темами истории нашего Отечества, охватывающими наиболее значимые тенденции развития политико-властных институтов и акторов политического процесса в исторической ретроспективе.

◆

Тема 1. ВЛИЯНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО- ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ИСТОРИЮ РОССИИ

ПЛАН

1. Освоение пространства в процессе формирования древнерусского государства.
2. Расширение пространственного ареала в период становления централизованного государства.
3. Территориальное расширение в имперский период.
4. Изменения территории, границ и сфер влияния в советский период.

Цель: оценить с историко-географических позиций особенности взаимовлияния пространства и власти в истории России.

Термины и понятия: пространство, геократия, природно-географический фактор, географический детерминизм, география, геополитика, природа, климат, геополитическая эпоха, империя, имперский тип территориального расширения.

1.1. Освоение пространства в процессе формирования древнерусского государства

Географический фактор оказывает огромное воздействие на историю, на развитие отдельных народов и стран, особенно таких, которые обладают значительной территорией и большим разнообразием природных условий. К таким странам относится Россия. При анализе истории России уместно даже говорить о геократии, когда власть осуществляет и интерпретирует себя посредством управления определенным пространством.

Влияние природно-климатического фактора на специфику российской истории отмечали практически все исследователи своеобразия русско-гоисторического процесса. Отечественный философ И.А. Ильин, расшифровывая в брошюре «О России» понятие «русское пространство», увидел в нем трибремени: первое бремя — земли — необъятной, непокоренной, с необозримыми окраинами; второе — природы — многообразной и богатой, но суровой, ставшей судьбой народа; третье бремя — народностей — то сосредоточенных, то рассеянных в степях, то затерянных в лесах и болотах Россия приняла их и дала жизнь всему этому разноголосому миру.

Опровергая мнение о якобы исключительно насильственном характере расширения территории России, В. О. Ключевский указывал на то, что в большинстве случаев это происходило на добровольной основе в силу наличия длительных взаимовыгодных экономических и культурных связей с соседними странами, их желания «быть принятыми под высокую руку русского царя», дабы избежать захвата и истребления со стороны некоторых государств.

Процесс формирования пространства российского государства целесообразно рассматривать опираясь на понятие геополитической эпохи. Под геополитической эпохой мы понимаем исторический период, характеризующийся определенным типом освоения пространства.

В развитии русской государственности выделяется геополитическая эпоха Киевской Руси, берущая свое начало с объединения Новгородской и Киевской Руси Олегом в 882 г. Этим актом были решены сразу несколько геостратегических задач:

- объединение ильменьских и днепровских славян, севера и юга восточнославянских земель;
- создание прецедента для дальнейшего объединения восточных славян и других соседних этносов;
- создание единого государства восточных славян;
- значительное расширение территории и увеличение количества населения единого государства;
- увеличение мощи, повышение статуса и роли восточнославянского государства в Европе, его влияния на геополитику соседних держав;
- осуществление контроля над важным неовско-волховско-днепровским торговым и военно-стратегическим путем «из варяг в греки»;
- усиление контактов с соседними акторами, в первую очередь с Византией, Польшей, Венгрией, варягами;
- ускорение социально-экономического и политического развития.

Кроме того, создание единого восточнославянского государства требовало духовного закрепления процесса объединения, чему в то время оптимально содействовала монотеистическая религия. Выбор религии единобожия и принятие христианства (988–989) также стали важным геополитическим актом восточных славян.

С этого времени начинается формирование восточноевропейского славянского этноса под общим названием «Русь», включившего в свой состав такие субэтносы, как ильменьские славяне, поляне, древляне, дреговичи, полочане, северяне, кривичи, чудь, весь, меря, мурома варяги, печенеги, половцы и др. Наибольшее влияние на этот процесс оказали византийские политическая культура, религия и искусство. Киевская Русь при этом испытывала воздействие других сопредельных стран: Польши, Венгрии, Волжской Болгарии, Хазарии, степных, неогосударственных этносов (половцы, печенеги, ясы, кагоги и др.).

Эпоха Киевской Руси с точки зрения стоявших геополитических задач явственно разделяется на период централизованного государства с единой и политически сильной столицей — Киевом (882–1054) и период децентрализации (1054–1240), начавшийся со смертью Ярослава Мудрого, когда Русь в политическом плане стала представлять собой то более, то менее прочную федерацию земель с центрами в Киеве, Новгороде, Суздале, Галиче. При этом киевский князь был главным лишь номинально. В эти разные периоды перед Киевской Русью стояли различные геополитические задачи.

В период централизации главными геостратегическими направлениями внешней политики Руси были: южновизантийское — добиться наиболее выгодного торгового договора с Византией и вместе с тем поднять свой политический вес; западноевропейское — оборонять границу с Венгрией и Польшей и вывести из-под влияния последней Галицкую Русь; восточноевропейское — сокрушить Волжскую Болгарию и Хазарский каганат и завладеть волжским путем на Восток (Персия, Арабский халифат); северное — сдерживать натиск норманнов (варягов); северо-восточное — осваивать новые территории и контролировать проживавшие там народы (пермь, самоеды).

В период децентрализации, когда внешнеполитическими задачами каждой русской земли стали либо военная экспансия в другие русские земли, либо защита от военной экспансии со стороны других русских князей, т. е. когда региональная геополитика стала превалировать над геополитикой континентальной, задачи, перечисленные выше, конечно, не могли быть решены. Русские князья, владея путем в Византию и испытывая нехватку товаров для вывоза (главные статьи вывоза — меха, мед, воск), вели бесконечные феодальные войны, дававшие массу пленных, служивших товаром для византийского рынка рабов. Они не смогли объединиться для отражения реальной угрозы с юга, со

стороны степных половцев, в результате Киев потерял значение общенациональной столицы еще до прихода монголо-татар.

Эпоха ордынской Руси связана с утратой независимости в результате жестокого поражения, нанесенного разрозненным русским землям татарским нашествием. Здесь тоже можно выделить два различных периода сосуществования Руси и Золотой Орды. Первый (1240–1328) характеризуется жесткой связью Орды и Руси, когда в каждом крупном русском городе стоял татарский гарнизон, а дань учитывали и собирали специальные монгольские чиновники — баскаки. Во второй период, начавшийся с обретения Иваном Калитой ярлыка на Великое княжение Владимирское и сбор дани (1328), который почти совпал с другим важным событием — переносом церковной столицы из Владимира в Москву (1326), порядок на Руси поддерживали уже княжеские дружины, а дань собирали либо специальные откупщики, либо русские князья. Первый период жесткого контроля не позволял Руси вести самостоятельную политику. При этом геополитическое положение Руси осложнялось предпринятым Ливонским и Тевтонским орденами «натиском на восток». Второй период — «гибкого» контроля Ордой Руси — привел к возвышению Москвы, образованию Великого княжества Московского, сбросившего ордынского иго (1480).

Не вызывает сомнения, что главными геополитическими задачами развития русского этноса были: в первый период — выживание населения, сохранение этнической идентичности, собственных государственных институтов; во второй — обретение национальной независимости, проведение самостоятельной внешней политики.

1.2. Расширение пространственного ареала в период становления централизованного государства

В эпохе Великого княжества Московского (1480–1582), важнейшим событием которой явилось провозглашение Ивана Грозного «царем всея Руси» (1547), выделяются два периода. Первый (1480–1552) характеризуется решением таких геополитических задач, как укрепление обретенного суверенитета и расширение границ государства. В царствование Ивана III (1462–1505) были присоединены к Москве княжество Ярославское (1463), Пермский край (1472), княжество Ростовское (1474), Великий Новгород (1478), княжество Тверское (1485), Вятская земля (1489). Иван III успешно провел две войны с Литвой (1492–1494 и 1500–1503), присоединив на западе Руси 19 городов и 70 волостей. Наследник Ивана III Василий III (1505–1533) продолжил дело отца. Он присоединил Псков (1510), княжества Рязанское (1517) и Чернигово-Северское (1523), взял Смоленск у Литвы (1514).

Второй период третьей геополитической эпохи (1552–1582) отмечен решением внешнеполитических задач, а именно сокрушением Иваном IV, царствовавшим в 1533–1584 гг., Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств, началом ответного «натиска на запад», в первую очередь на Литву и Польшу, с целью возврата западных русских земель (Ливонская война 1558–1583 гг.). В это время главными геостратегическими направлениями внешней политики Москвы стали юго-восточное (Казань, Астрахань), западное (Литва, Польша, Ливонский орден), южное (Крымское ханство).

Четвертая геополитическая эпоха — это эпоха Московского царства (1552–1682), которая продолжалась от похода Ермака в Сибирь в царствование Ивана IV до начала царствования Петра I. В первый период этой эпохи Москва вышла за пределы Европы и устремилась на завоевание Западной Сибири (поход Ермака 1582–1585). В конце XVI – начале XVII в. русские проникли на Обь и обложили ясаком (данью) местных татар и хантов, живших вплоть до самых обских верховьев. Опорным пунктом им служил Березовский острог (будущий город Березов) на левом берегу р. Северная Сосьва, где обитала народность манси. Оттуда русские проникли на Нижнюю Обь в Мангазею, богатую пушниной. Впрочем, поморы ходили в Мангазею и морским путем через Баренцево, Карское моря и далее, поднимаясь по устью Оби, откуда было совсем недалеко до устья Енисея и всего Енисейского края. Бассейн Енисея русские сборщики ясака осваивали, пройдя через волок, соединивший Обскую Мангазею и Новую Мангазею (Турханск) на Енисее. Уже в первой трети XVII в. дань собиралась с бурятского населения, жившего на восточных притоках Енисея (Нижняя Тунгуска, Подкаменная Тунгуска, Ангара). В это же время (1630-е гг.) русские проникают в бассейн Лены. Освоение этой великой сибирской реки тоже шло двумя путями: речным — через притоки Витим и Вилюй и морским — через море Лаптевых. В 1632 г. енисейский сотник Петр Бекетов прошел на среднюю Обь и основал Якутск, ставший опорным пунктом для последующих экспедиций на север, к Студеному морю (Северному Ледовитому океану), и на восток, к Амуру и Тихому океану. В 1640-х гг. русские сборщики ясака вышли на р. Колыму и дошли до Охотского моря.

Второй период эпохи Московского царства характеризуется решением главной геополитической задачи на юго-западном направлении — воссоединение с Украиной (Переяславская рада, 1654). Для закрепления решения о воссоединении царю Алексею Михайловичу пришлось выдержать войну с Польшей, в результате которой к Московскому царству отошла часть Белоруссии, а Алексей Михайлович принял титул «Всея Великая и Малая и Белья Руси самодержец».

1.3. Территориальное расширение в имперский период

Пятой эпохой в развитии российского государства и русского этноса можно считать эпоху императорской России, начавшуюся с царствования Петра I (1682–1725). Здесь выделяется период становления империи, провозглашенной по окончании Северной войны в 1721 г., во время которого решались задачи выхода к Балтийскому и Черному морям, строительства русского флота и реформы армии, развития торговли, науки техники и культуры, становления русской нации как нации европейской. Во второй период (1721–1917) были присоединены или добровольно вошли в состав России огромные территории Европы — часть Польши (1815) и Финляндия (1809), Америки — Аляска, Азии — Кавказ (1864), Закавказье, Средняя Азия (1865–1876), Приморье (1860).

В пятой эпохе по своему геополитическому значению выделяются пять царствований. Политическая программа Петра I заключалась, говоря современным языком, в ускорении социально-экономического развития и модернизации России, приобщении ее к достижениям европейской цивилизации и достижении ею уровня передовых стран. Геополитическая составляющая этой программы выглядела как переход от состояния экономической автаркии и социально-этнического саморазвития к состоянию активного взаимодействия с развитыми европейскими странами, заимствованию у них высших достижений культуры (в первую очередь в области науки, техники, образования). Главное отличие империи Петра I от Московского царства заключалось во «вхождении» в Европу; российское общество при Петре I стало действительно европейской нацией.

Геостратегическая программа Петра I состояла из двух частей: выход к Балтийскому морю, дававший возможность прямого взаимодействия со странами северной, протестантской, наиболее развитой части Европы, и выход к Черному морю, который увеличивал возможности контактов с Османской империей, а также открывал путь через черноморские проливы в Южную и Северо-Западную Европу. Для достижения первой геостратегической цели следовало выиграть войну у Швеции — великой державы, державшей под контролем практически все побережье Балтики. Вторая цель осуществлялась через победу над Блистательной Портой — могучей империей, простиравшейся от Ирана до Египта. Понятно, что ни одна из этих целей не могла быть достигнута без ускоренного развития и модернизации не только науки, промышленности, торговли, но также армии и флота. В ходе Северной войны (1700–1721) Россия сумела пробиться к Балтийскому морю и сокрушить Швецию, заняв ее место на политической карте Европы и мира. Успешным был и Персидский поход Петра I, в результате которого к России отошли Баку, Дербент с прилежащими областями, а также про-

винции Гилян, Мазендаран и Астрабад на южном побережье Каспийского моря. Но вторая геостратегическая цель — выход в Черное море — достигнута не была.

Геополитика Петра Великого была продолжена Екатериной II (1762–1796), во внешней политике сосредоточившейся на двух направлениях: европейском и черноморском. По отношению к Европе она сначала опиралась на геостратегию «Северного аккорда» — идею союза северных протестантских стран Англии, Швеции, Пруссии, Саксонии, Дании и католической Польши против южных католических держав Австрии, Франции и Испании. В южной геостратегии Екатерина выдвинула «Греческий проект», заключавшийся в сокрушении Османской империи, разделе ее территории между Россией, Австрией и Венецианской республикой. Главным звеном геопрокта было воссоздание Греческой (Византийской) империи, кандидатом на престол которой Екатерина определила своего второго внука Константина и даже распорядилась дать ему соответствующее образование. Но реальное политическое положение дел пошло по иному пути. Екатерининской империи пришлось выбрать в союзники протестантскую Пруссию и католическую Австрию, выдержать две турецкие войны и решиться на три раздела Польши. В результате первой войны с Турцией (1768–1774) по Кучук-Кайнарджийскому миру к России отошли устья Дона, Днепра и Буга, территория между Бугом и Днестром, крепости Керчь (Крым) и Еникале (Таманский полуостров), Крымское ханство получило независимость от Османской империи. В результате второй турецкой войны (1787–1791), которую Россия вела в союзе с Австрией, были присоединены Крым и Тамань, а граница между Российской и Османской империями перенесена на рубеж р. Днестр. По итогам трех разделов Речи Посполитой Россия приобрела всю Белоруссию, часть территории Украины (Волынь, Подолия, юг Киевской области), Курляндию и Литву. Кроме того, Екатерина ликвидировала «полугосударство» Запорожскую Сечь, а запорожских казаков переселила на Кубань.

Геополитическое значение деяний Екатерины огромно. В ее царствование был решен вопрос с выходом России к естественным рубежам на юге — к Черному морю, создан Черноморский флот, заведена приморская торговля, воссоединено православное население почти всей Великой, Малой и Белой Руси. Были запущены в хозяйственный оборот огромные массивы плодородной причерноморской степи. Количество населения России, составлявшее в начале царствования около 20 млн., увеличилось до 36 млн. человек.

Третьим важнейшим царствованием с точки зрения геополитики стало правление Александра I (1801–1825). Кроме традиционных союзников Пруссии и Австрии, учитывая все нарастающую угрозу со стороны наполеоновской Франции, Россия приобрела поддержку в лице Великобритании (Конвенция о дружбе была заключена в 1801 г.). Вся внешнеполитическая деятельность Александра I определялась проти-

востоянием Франции. После поражения в Пруссии (1807) Александр был вынужден заключить мир с Наполеоном, одним из результатов которого стало согласие последнего на усиление России за счет Турции и Швеции. Итогом Русско-турецкой войны (1806–1812) было присоединение Бессарабии, перенесение русско-турецкой границы на р. Прут и создание автономного Сербского княжества. Война со Швецией (1808–1809) дала России Финляндию и Аландские острова. Кроме того, Александр дал согласие на принятие в русское подданство постоянно теснимой Ираном православной Грузии (1801). В 1815 г. благодаря первой очереди усилиям России армия Бонапарта была разбита, а его режим сокрушен. Венский конгресс не только подвел итоги наполеоновских войн, но и открыл новую всемирную Венскую геополитическую эпоху.

В царствование Николая I (1825–1855) Россия в союзе с Англией и Францией принудили турецкого султана признать независимость Греции. В Закавказье по итогам войны с Турцией Россия получила Восточное побережье Черного моря с портами Анапа и Поти (1829). По итогам Русско-персидской войны (1826–1828) Россия получила территории Эриванского и Нахичеванского ханств.

Вследствие восстания в Египте Османская империя оказалась на грани распада и турецкий султан обратился к Николаю I с просьбой о помощи. Россия оказала помощь в подавлении восстания (1833) и заключила с Турцией договор, согласно которому последняя закрыла черноморские проливы для всех военных судов, кроме российских; сама же Турецкая империя могла и далее пользоваться протекторатом России. Таким образом, Черное море становилось внутренним водоемом России и Турции, а устойчивость и дальнейшая судьба Османской империи теперь зависели от российской военной мощи. Это не нашло понимания у других европейских стран, и решением Лондонской конвенции 1840 г. Турции были предоставлены гарантии всех великих держав (России, Пруссии, Австрии, Франции и Англии). Во время революции 1848–1849 гг. Николай I получил прозвище «жандарм Европы» за поддержку монархических режимов и интервенцию в Венгрию. В 1853 г. он позволил втянуть страну в Восточную (Крымскую) войну, и поражение в ней (1856) значительно снизило геополитический статус России, ее роль в европейских и мировых делах. Черное море было объявлено нейтральным, проливы открыты для торговли, но закрыты для военных кораблей. России было запрещено иметь черноморский флот, и фактически она перестала быть великой державой.

В царствование Александра II (1855–1881) геополитическое пространство России продолжало расширяться. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев отвоевал у Китая Амурскую область (по левому берегу Амура), которая по Айгунскому договору (1858) была уступлена Китаем России. В 1860 г. по Пекинскому договору Россия получила Уссурийский (Приморский) край, в котором начали быстро строиться города Благовещенск, Хабаровск, Николаевск (современный

Комсомольск-на-Амуре), Владивосток. В обмен на Курильские острова Россия получила от Японии южную часть Сахалина, а полуостров Аляска был продан САСШ за 7 млн долл. (1867).

В Средней Азии, воспользовавшись объявлением священной войны Кокандским ханством России, генералы Веревкин и Черняев завоевали всю его территорию (1868–1876), которая была присоединена к России и вместе с частью земель Хивинского и Бухарского ханств составила Туркестанское генерал-губернаторство. В 1880-х гг. русские армии продолжили свое продвижение к границам Персии и Афганистана. В 1881 г. генерал Скобелев взял крепость Геоктепе, в 1884 г. пал Мерв. Приближение русской армии к границам Индии вызвало большую тревогу в Великобритании. Европейские страны осуждали Россию и обвиняли ее в империалистических устремлениях. Россия остановилась на границах Афганистана, битва «русского слона» и «британского кита» не состоялась.

При Александре II была решена важная задача внутренней региональной геополитики: в 1859 г. имам Шамиль, вождь кавказского восстания, сдался главнокомандующему русской армии на Кавказе генералу Барятинскому, что означало установление российского контроля над Северо-Восточным Кавказом, а в 1864 г., по окончании Кавказской войны, весь Северный Кавказ оказался под властью Российской империи.

В 1877–1878 гг. разразилась новая турецкая война, в которой Россия выступила на стороне восставших и угнетаемых турками боснийцев и болгар. Войну Турции объявили также Сербия и Черногория.

Но победа русского оружия не принесла геополитических выгод России ввиду резкого противодействия Великобритании и Австро-Венгрии. На Берлинском конгрессе территориальные приобретения Сербии и Черногории были урезаны, территория Болгарии разделена и сокращена, Македония была возвращена Турции. Австро-Венгрия получила Боснию и Герцеговину, а Великобритания — остров Кипр. Уступки, сделанные Россией, показали, что она не хочет обострения отношений с великими державами и не готова к открытому противостоянию. Эти шаги ухудшили отношения России с балканскими странами.

Итак, с точки зрения территориальных приобретений и геополитического развития для России важнейшими в эпоху империи явились пять царствований: Петра I, Екатерины II, Александра I, Николая I и Александра II. Наивысшего расцвета как великая держава Россия достигла после победы над Наполеоном, когда ее мощь, авторитет и геополитическое значение котировались очень высоко, без ее мнения не решался ни один вопрос европейского территориального устройства. Снижение авторитета России в мире связано с нарушением ею европейского равновесия, постоянным стремлением к территориальному росту. Особенно раздражало европейцев приращение российской территории за счет Европы, проект создания Греческой империи и Всеславянской православной федерации.

1.4. Изменения территории, границ и сфер влияния в советский период

Шестая эпоха — эпоха Советского государства и «новой исторической общности» — советского народа (1917–1991) тоже состоит из двух периодов. Первый — восстановление политических, экономических и военно-стратегических позиций российского государства в форме СССР и попытка новой экспансии, теперь уже под флагом коммунизма (1920–70-е гг.).

В период правления И. В. Сталина к СССР были присоединены территории Западной Украины и Западной Белоруссии, часть Карельского перешейка (1940), южная часть Сахалина и Курильские острова (1945), подготовлено создание военно-политической организации Варшавского договора (1955), включившей СССР, Болгарию, Венгрию, ГДР, Польшу, Румынию, Чехословакию, Албанию; образован социалистический лагерь, включивший кроме стран — членов ОВД Югославию, Монголию, КНДР, СРВ, Кубу. Таким образом, была фактически создана система лимитрофных (пограничных) государств, служившая защитой от проникновения в «первую страну социализма» вредных в идеологическом отношении идей и осуществлявшая распространение коммунистических идей в большинстве стран мира. Эта система воплотила в себе самые смелые проекты российских царей и геополитиков, но довольно скоро утратила историческую динамику, так как объединяла разнородные в этнонациональном, религиозном, социально-культурном и политико-идеологическом отношении государства, управляемые из единого центра и ведомые к утопической цели. Последнюю попытку экспансии под флагом коммунизма предпринял режим Л.И. Брежнева в Афганистане (1979–1989). Эту войну завершал режим М. С. Горбачева, в условиях сокращения геополитического влияния России.

Второй период развития советского государства (1970–1991) характеризовался хроническим отставанием его от развитых держав по производительности труда и уровню жизни населения. Это отставание компенсировалось милитаризацией страны и общественного сознания, закрытием границ.

В настоящее время Российская Федерация вошла в новую, седьмую эпоху своего национально-этнического и государственного развития, которую можно назвать эпохой демократической России. В 1993 г. была принята новая Конституция страны, провозгласившая Россию демократическим, светским, правовым, социальным государством и открывшая новые возможности для ее политического и социально-экономического развития, для расширения взаимовыгодного сотрудничества со всеми странами и полноценного вхождения в мировое сообщество.

Современная геополитическая эпоха развития российского государства может быть исторически оценена в более позднее время.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ

1. Как пространственные и природно-географические факторы оказывают влияние на исторический процесс?
2. Почему говорят о том, что на российскую историю эти факторы оказали особенно сильное влияние?
3. Как это влияние отразилось в отечественной историографии?
4. Что понимается под геополитической эпохой?
5. Каким образом между собой взаимосвязаны процессы пространственного расширения российского государства и эволюция политических институтов, органов власти и управления?
6. Как изменялась территория российского государства в период Древней Руси, централизованного государства, в имперский и советский периоды?
7. Раскройте сущность понятия «имперский тип территориального расширения».
8. Заполните таблицу:

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСШИРЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Даты	Территории	Кем и как присоединена	Последствия присоединения

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский Г. В. История России. Тверь: ЛЕАН, М.: Аграф, 1996–1997.
2. Замятин Д. Н. Власть пространства // Вопросы философии. 2001. № 9.
3. Замятин Д. Н. Стратегии интерпретации историко-географических образов России // Отечественные записки. 2002. № 6 (7).
4. Зимин А. И. Европоцентризм и русское культурно-историческое самосознание. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2000.
5. Изучение проблем формирования российской государственности и расширения границ страны до начала XX века в образовательных учреждениях. Часть I.

- Становление российской государственности: присоединение территорий и развитие страны в доимперский период: учебное пособие. Ставрополь, Бюро новостей, 2016.
6. Изучение проблем формирования российской государственности и расширения границ страны до начала XX века в образовательных учреждениях. Часть II. Россия в имперский период: колонизация, освоение новых земель, покорение и воссоединение народов в рамках единого государства: учебно-методическое пособие / отв. ред. Е.Н. Атарщикова. Ставрополь: 2017.
 7. Ильин И.А. О России. М.: 1991.
 8. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Издательство «Мысль», 1993.
 9. Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
 10. Маринченко А.В. Геополитика. М.: Инфра-М, 2009.
 11. Милов Л.В. Природно-климатические факторы и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5.
 12. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.
 13. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

Тема 2. РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

ПЛАН

1. Боярство как правящий слой российского государства.
2. Дворянство как правящий слой российского государства.
3. Номенклатура как советский тип политической элиты.

Цель: изучить процесс исторической эволюции политических элит (правящего слоя) российского государства.

Термины и понятия: политическая элита, рекрутирование элит, элитообразование, боярство, дворянство, номенклатура, разрядные книги, Табель о рангах, кормление, местничество, родовитость, знатность, Боярская дума, буржуазия, мобилизационный и инновационный типы исторического развития.

2.1. Боярство как правящий слой российского государства

Под правящей элитой понимаются «определенные социальные группы, представители которых в силу своего происхождения, богатства и т.д. имели преимущественное право на занятие высших командных постов в государственном аппарате». При этом авторы отличают правящую элиту от узкой группы наиболее видных политических деятелей (членов Ближней думы) и от широкого понятия «господствующий класс».

Элитообразование предстает как сложный многоуровневый процесс, в котором в разные периоды ведущую роль играли разные элементы, это могла быть княжеская дружина, местная неслужилая знать

(городская верхушка, местное боярство), представители различных сословных и чиновных групп, региональные князья.

Доминирующая роль политической элиты существенным образом отличает Россию от классической модели эволюционного развития (характерного для Западной Европы и США). Если в России государство строит общество, то в Западной Европе общество строит государство.

Исторически первой формой рекрутируемой по принципу службы властной элиты российского общества стало боярство. Именно боярство выполняло управленческие функции в период Киевской Руси, «удельные века» и в Московском государстве. Стремление служилого боярства к приобретению земельных наделов в качестве альтернативного источнику дохода, не зависящего от прихотей служебной удачи, со временем превратило боярство из служилого класса в землевладельческую аристократию, что впоследствии сыграло роковую роль в его судьбе.

Доминирующее значение хозяйственных оснований в системе политических отношений этого периода определило особенности модели элитообразования, в основе которой был договор свободного лица с князем, выступавшим в качестве хозяина земли в экономико-юридическом смысле. Это обусловлено тем, что удельный период был больше периодом накопления сил — материальных и духовных — для последующего роста, чем периодом развития.

Особняком стоит развитие в удельный период вольных городских общин Новгорода Великого и Пскова, представлявших редкий в российской истории пример характерного для Европы экономико-центричного типа социальной организации. В основе внутривластных конфликтов в Новгороде лежали экономические причины, а политическая власть, по существу, была инструментом реализации экономических интересов. Однако этот тип организации был обречен на поражение в почти полуторазековом противостоянии с Москвой в процессе создания последнего централизованного государства.

В начале XVI в. расширяющиеся политические притязания боярства, «которое приняло вид замкнутой, иерархической в отношении родovitости аристократии», фактически вели к возвращению управленческой модели времен Киевской Руси — совместному родовому управлению, внутренние противоречия которого уже однажды привели к распаду государства. Если отец и дед Грозного лишь осторожно ограничивали притязания родовой аристократии, то внутривластная борьба «Иван Грозный — бояре» стала центральной коллизией его правления.

Объективное значение политики Ивана Грозного заключалось в усилении тенденций мобилизационного развития и завершении политической централизации страны — как властной, так и территориальной. Традиционным инструментом разрешения противоречия между задачами государства и его возможностями стали меры принуждения

и насилия. Прямым следствием этих мер сделалась замена «феодалных» элементов политической организации «бюрократическими» — окончательное разрушение остатков удельных отношений, сохранившихся в вотчинах: с уходом вотчинников исчезли и традиционно существовавшие в родовых поместьях военные формирования, а служебный люд, обязанный службой вотчиннику, автоматически превращался в подданных государя.

«Смутное время» (1598–1613) — рубеж «рассыпания» боярства в качестве правящего класса. Бояре, спровоцировавшие Смуту в целях укрепления своей власти, создали ситуацию, которая положила конец боярству как цельному правящему классу, однако это не означало уход с политической арены его представителей. Состав правящей элиты XVII в. отличался пестротой: в нем присутствовали некоторые уцелевшие старинные княжеские и боярские фамилии, постепенно вытеснявшиеся незнатными людьми из захудалых родов, средних и низших слоев дворянства, в том числе провинциального.

Именно эта категория все чаще выступала адресатом социальной поддержки правительства. Со времен Бориса Годунова организация и обеспечение средних слоев служилого и торгово-промышленного классов как главной опоры военных и финансовых сил государства и защита их от конкурентов в лице боярства и церкви становятся доминирующей тенденцией сословной политики государства в XVII в. Наделение привилегиями сопровождалось закреплением обязанностей — государственная служба, прежде всего военная, становилась наследственной сословной обязанностью землевладельцев.

2.2. Дворянство как правящий слой российского государства

Дворянство, не успев родиться в качестве правящего класса, пошло по пути, проторенному боярством, — по пути расширения владельческих полномочий и перераспределения обязанностей в свою пользу. Подобное перераспределение, и прежде всего закрепощение крестьян, имело чрезвычайно негативные последствия не только для политического развития в целом, но существенным образом сказалось на качестве правящей элиты.

Меры Петра I по реформированию правящего слоя не были продуманной программой политической модернизации, а диктовались прагматическими задачами военно-фискального характера. Отсюда зарождается мобилизационная модель элитообразования, в частности, борьба верховной власти с правящим классом. Верховная власть в целях контроля над правящим слоем создает репрессивный аппарат, надзи-

рающе-контрольную систему. Но если власть царя сдерживала его соратников, объединяя их во имя великого дела служения Отечеству, то внезапное освобождение от внешней опеки в лице царя после его смерти, сняло нравственные ограничения в правящей среде. Здесь еще более наглядно, чем во времена Ивана Грозного, проявилась тенденция отставания российских политических элит от возникавших перед ними исторических задач. Доминирующей потребностью правящей элиты становится потребность в безопасности и стабильности. После многих лет ежедневного страха она стремилась взять реванш и обезопасить себя. Послепетровская эпоха дворцовых переворотов в полной мере продемонстрировала указанную закономерность.

Конец XVIII в. ознаменовался кардинальным нарушением основополагающего принципа мобилизационного развития — всеословности обязанностей. В качестве основных причин можно называть две. Прежде всего ослабление внешних угроз: войны в правление Екатерины II были инструментом решения экономических и геополитических задач, а не мерой обороны, что позволило частично отказаться от мобилизационных методов управления. Во-вторых, значительно возросшее в течение XVIII в. западное влияние стимулировало стремление дворян приблизить свой статус к положению европейской аристократии, обладавшей значительными правами и привилегиями. Однако решающую роль сыграл тот факт, что в течение XVIII в. правящий слой в лице дворянской гвардии, обретя необходимую степень внутренней сплоченности, обрел право де-факто решать судьбу престола, что побудило Екатерину II, нелегитимным путем пришедшую к власти, стремиться упрочить свое положение посредством расширения базы поддержки в среде правящего слоя. В конце XVIII в. элита из служилого превратилась в привилегированный слой.

Александр I оказался бессилен перед собственным управленческим классом. Отсутствие эффективного инструмента модернизации — правящего класса, способного стать субъектом этой модернизации, — было главной причиной неудачи его реформистских попыток. Нехватка образованных администраторов носит постоянный характер в российской политической практике и обусловлена тем, что задачи государства опережали степень исторического взросления его элит.

Рубеж XVIII-XIX вв. был ознаменован формированием разночинной интеллигенции, взявшей на себя функции оппозиции. Это существенно отличает российскую политическую практику от западного политического опыта, в рамках которого конституирующую роль в формировании оппозиции выполняла бизнес-элита. Если в рамках западных политических систем власть и оппозиция сосуществуют как соперники и конкуренты, придерживающиеся определенных правил игры, гарантирующих целостность системы как таковой, то в России государство и его устойчивость в сознании и власти и оппозиция нередко превраща-

лись во второстепенный, не имевший самостоятельной ценности абстракт.

После крымского поражения середины XIX в. экономически и финансово слабая по сравнению с европейскими конкурентами, политически зависимая от государства российская буржуазия не смогла стать субъектом реформ, буржуазных по содержанию, и вновь для реализации задач модернизации была призвана сформированная по принципу службы политическая элита. В этот период в рамках российской политической системы началась медленная эволюция мобилизационной модели элитообразования: было положено начало формированию характерных для политической системы инновационного типа образований — групп интересов и групп влияния.

Для адекватного осмысления властью создавшейся в обществе ситуации необходима была не только гибкость, но и государственное мышление; российская же бюрократия, по свидетельству современников, в большинстве своем представляла собой чиновников, а не государственных деятелей.

Пагубной тенденцией эволюции правящей элиты в правление Александра III стало качественное ухудшение бюрократического слоя, поскольку общий курс правительственной политики неизбежно рекрутировал соответствующие ему «кадры».

Эволюция политической системы страны к началу XX в. отмечена формированием предпосылок перехода от мобилизационной модели развития к инновационной и попыткой реализовать этот шанс. Наметилась тенденция трансформации системообразующего принципа элитообразования: место служилого класса претендуют занять экономически доминирующие группы в лице своих политических представителей.

Экономическая элита, самым активным сегментом которой выступала связанная с наиболее быстро развивающейся сферой экономики буржуазия, претендовала на то, чтобы формировать власть, потеснив традиционно господствующую в России правящую бюрократию и урезав полномочия верховной власти. Претерпел изменения и механизм внутриэлитного взаимодействия. Если в условиях мобилизационной модели в этом качестве использовался метод чистки верховной властью правящего класса (или наоборот — как это было в эпоху дворцовых переворотов), то сейчас ей на смену пришел политический торг.

Для системы, управление и реформирование которой осуществляются не стихийно-эволюционным путем, а посредством волевых усилий власти, неспособность персонифицированного ее лица к управлению почти катастрофична. Николай II не только сам не имел призвания решить задачу политической модернизации системы, но и препятствовал тем, кто пытался эту задачу решить. Наиболее пагубными были последствия подобного противодействия в период реформ П. Столыпина.

Судьба Столыпина — убедительное свидетельство истощенности элитарного ядра режима — бюрократии, уничтожившей своего потенциального спасителя. Российская буржуазия в полной мере продемонстрировала неспособность не только завоевать власть, но и удержать ее.

2.3. Номенклатура как советский тип политической элиты

Исследование социальной конфигурации советского общества обнажает поразительное сходство ее системообразующих принципов с аналогичными параметрами предшествовавших советской политических систем — политических организаций Московского государства и Российской империи. Их общими системообразующими принципами являются политико-центричный характер социальной организации, всеобщий характер обязанностей граждан перед государством, а также тот факт, что в основание социальной дифференциации положено различие обязанностей социальных групп перед государством: одни из них несут службу (служилые классы Московского государства, бюрократия Российской империи, номенклатура в советской системе); другие доставляют материальные средства обществу и государству (остальные категории населения, представляющие аналог податных сословий Московского государства и Российской империи). Всеобщность обязанностей перед государством, являющаяся признаком «служилого государства», превращает все социальные категории в служилые в широком смысле этого понятия. Анализ номенклатурной практики элитообразования советского периода показывает, что конкретные параметры ее функционирования (жесткая регламентация карьерного продвижения, последовательность иерархических ступеней) восходят к принципам Петровской Табели о рангах.

Жесткость сложившейся после 1917 г. политической системы, несмотря на преемственность дореволюционных традиций левого движения, все же не была априорным принципом большевиков, а во многом явилась реакцией на сложившуюся ситуацию осажденного лагеря и тотальной внешнеполитической изоляции. Пришедшие к власти революционеры вынуждены были под давлением обстоятельств отказаться от многих романтических иллюзий и надежд. Отказом от первоначальных теоретических представлений стало и формирование правящего слоя по номенклатурному принципу.

Несмотря на жесткие параметры сложившейся в первые годы советского правления политической системы, номенклатура «первого призыва» была весьма неэффективной. Это было обусловлено

целым рядом причин. Среди важнейших из них — множественные расколы внутри правящего слоя и существенная разница между характером правящей элиты и основной массы населения. Вот почему в репрессиях 1937–1938 гг. участь «бояр» постигла «старую гвардию», рассматривавшую в качестве источника пожизненной ренты символический капитал — революционное прошлое. При этом модель борьбы верховной власти с новым «боярством» была выстроена Сталиным по известному из предшествовавшей российской истории политическому лекалу: подобно тому, как Иван Грозный в борьбе совесильными боярами-кормленщиками стремился опереться на внеэлитные слои, созывая с этой целью Земские соборы, Сталин также попытался опереться на «маленького человека» в борьбе с партийными вождями.

Вышедший из пресловутой плеяды «практиков», призванных не рассуждая выполнять предначертания вождя, Хрущев в полной мере продемонстрировал противоречивость функционирования этой системы элитообразования, по существу предопределявшей невозможность преемственности власти. Пришедший к власти как выразитель стремления правящего слоя в стабилизации своего положения, Хрущев пал, как только номенклатура почувствовала риск — она убрала его. Желанной была стабильность.

В период руководства страной Брежневым произошли качественные изменения мобилизационной модели элитообразования. Укрепление экономических факторов развития не могло не придавать больший, чем раньше политический «вес» субъектам, персонифицировавшим идущие снизу импульсы развития. Лишенные сколько-нибудь серьезных властных полномочий после «большого террора» 1930–1940-х годов, крупнейшие региональные функционеры обрели весьма значительную степень влияния. Укрепление корпоративной солидарности превратило региональных функционеров в самую влиятельную силу в составе ЦК КПСС, по сравнению с которой тускнели сила и влияние даже отраслевых руководителей.

Что касается отношений в системе «элита — массы», то лозунг стабильности кадров означал резкое снижение вертикальной мобильности, темпов и качества процессов элитной ротации. Процессы элитообразования приобретали закрытый характер. К началу 1980-х годов номенклатура представляла собой сложную структуру, в рамках которой сложились (в большинстве случаев слабо оформленные) кланы и корпорации, которым было явно тесно и которые ждали своего часа для конверсии разнообразных накопленных ресурсов (финансовых, политических и т.п.) в реальную политическую власть.

Процесс консолидации групп интересов приобрел особо масштабный характер в 1989–1990 гг. Итогом этого процесса стала фактическая утрата государством способности эффективно выполнять

функции административного управления. Государство периода перестройки было низведено до роли простого диспетчера в ходе взаимодействия групп интересов.

Впервые в российской истории возникла реальная (а не формальная, как в начале XX в.) возможность перехода от мобилизационного типа развития к инновационному. Причем в данном случае совпали возможность и необходимость перехода к инновационной модели развития. Однако этот уникальный исторический шанс был упущен, причём не только вследствие неконцептуальности реформ, но и в результате продуманного и сознательного выбора: произошел отказ от идеи развития в обмен на экономическое господство номенклатуры.

Во второй половине 1990-х годов политико-экономическое пространство России стало достоянием самодостаточных политико-финансовых структур, претендовавших на принятие ключевых решений. Сформировавшиеся в этот период, они обрели собственный финансово-промышленный потенциал; собственные службы безопасности; свои креатуры в органах власти различного уровня, в том числе силовых и правоохранительных (МВД, ФСБ, прокуратура, суд); сформировали собственные информационно-аналитические империи и т.д. «Таким парадоксальным образом в России 1990-х годов произошла реконструкция европейской модели элитообразования феодального, а не современного Запада» (2, с. 352).

В современном российском обществе, несмотря на глубину происшедших в 1990-е годы социально-экономических преобразований и существенное изменение сложившейся в предшествующий период модели элитообразования, политическая элита по-прежнему является важнейшим фактором политического процесса. Более того, она значительно укрепила свою доминирующую роль. Это обусловлено как глобальными тенденциями современного постиндустриального развития (характеризующегося использованием широкого спектра политических технологий), так и спецификой политического развития в современной России (для которого традиционно характерна слабая артикулированность политических и экономических интересов на массовом уровне), что предопределяет, заключает автор, доминирующее значение политических элит.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ

1. Что понимается под политической элитой государства?
2. Как Вы понимаете процесс элитообразования?
3. Какие Вы знаете принципы (основания) рекрутирования элит?

4. Дайте характеристику исторической эволюции боярства как правящего слоя российского государства.
5. Дайте характеристику исторической эволюции дворянства как правящего слоя российского государства.
6. Рассмотрите историческое значение уничтожения разрядных книг царем Федором Алексеевичем.
7. В чем заключается историческое значение Табели о рангах?
8. Какую эволюцию претерпело дворянство в XVIII–XIX вв.?
9. В чем особенности советской номенклатуры как политической элиты?
10. Составьте таблицу:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

Наименование, период доминирующего положения, принцип рекрутирования	Обязанности и права	Исторические итоги нахождения у власти

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадовский Д.В. Трансформация политической элиты России: от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // Политические исследования. 1994. № 6.
2. Беккер С. Миф о русском дворянстве: дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
3. Восленский М.А. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, совм. с МП «Октябрь», 1991.
4. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: веки исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.
5. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010.

6. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979.
7. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1.
8. Лифанов А.В. Политические элиты в истории политической мысли и в современных теориях. Новосибирск: СибАГС, 2001.
9. Летняков Д. Э. Дворянство в Российской империи: между престолом и оппозицией // *Знание. Понимание. Умение*. 2011. № 3.
10. Никифорок В.П. Мобилизационный тип развития: особый путь России // *Вестник Московского университета*. Сер. 12. Политические науки. 2001. №4.
11. Правящая элита русского государства, IX — начало XVIII в.: очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
12. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М.: 1974.

Тема 3. ИСТОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИЙ В РОССИИ

ПЛАН

1. Попытки модернизации в XVI — первой половине XVII в.
2. Модернизационные процессы в Российской империи.
3. Модернизационные процессы в СССР.

Цель: рассмотреть историю России с точки зрения происходивших в ней модернизационных процессов, определить исторические критерии модернизации и роль государства и его правителей в истории российских модернизаций.

Термины и понятия:

модернизация, критерии модернизации, Избранная Рада, полки «нового строя», протекционизм, петровская модернизация, бюрократия, этатизм, крепостное право, феодализм, догоняющая модернизация, коллективизация, индустриализация, сталинская модернизация, командно-административная система, научно-техническая революция, косыгинские реформы, перестройка.

3.1. Попытки модернизации в XVI – первой половине XVII века

Модернизация — это комплексный процесс, охватывающий все сферы общественной жизни (экономическую, социальную, политико-правовую и культурную), в ходе которого менее развитые общества приобретают черты более развитых и становятся конкурентоспособны на международной арене.

Определим критерии модернизации. Во-первых, наличие четко выраженной цели: догнать и перегнать более развитые государства и

общества. Отсюда обязательное наличие ориентира, образца, к которому следует стремиться.

Во-вторых, должна присутствовать четко выраженная политическая воля правящей элиты, носителей высшей государственной власти, направленная на достижение указанной выше цели, прежде всего, вывод страны на качественно новый этап развития, в конечном итоге обеспечение ее конкурентоспособности на международной арене в военном, экономическом и политическом отношении.

В-третьих, исходя из предыдущего критерия, модернизация обязательно должна проводиться в виде реформ «сверху», причем это должно быть сознательное, целенаправленное усилие носителей высшей политической власти, а не вынужденное стечением обстоятельств. Другими словами, правящий режим должен определять ход событий, а не идти вслед за ними.

В качестве обратного примера можно привести Манифест 17 октября 1905 г., согласно которому население страны получило ряд демократических прав и свобод, изменялась структура политической власти, легализовывалась деятельность политических партий и профсоюзов. Казалось бы, перед нами пример модернизации политической сферы общественной жизни. Но это лишь видимость модернизации. На самом деле Манифест 17 октября 1905 г. не был продуктом сознательной целенаправленной деятельности правительства. Скорее можно говорить о том, что он был буквально вырван у Николая II в результате развития революционных событий.

Определив критерии модернизации попробуем ответить на вопрос о количестве модернизаций в истории России.

Согласно современным исследованиям, в период существования Киевской Руси (Древнерусского государства), общество и государство находились примерно на той же стадии развития, что и государства Западной Европы, естественно со своей спецификой. В некоторых же областях (степень развития демократических институтов, уровень грамотности населения и общий уровень культуры в целом) даже их превосходили. Следовательно, смысла догонять кого-либо и модернизироваться не было.

Переломным моментом стало монгольское нашествие и последовавшая за этим более чем 200-летняя зависимость от Золотой Орды, приведшая к резкому замедлению, прежде всего, социально-экономического развития, политической и культурной деградации, а главное, началу стадиального отставания от государств Западной Европы. После обретения независимости и создания единого Российского государства (рубеж XV–XVI вв.) перед правящей элитой неизбежно должен был встать вопрос о дальнейших путях развития.

В середине XVI в. последовали так называемые реформы Избранной Рады, первый в российской истории пример комплексных, струк-

турных реформ, охвативших практически все сферы общественной жизни и преследовавших цель создания мощного централизованного государства с эффективной системой управления и сильной армией. Естественно возникает вопрос, можно ли рассматривать эти реформы как пример первой модернизации в истории России?

Исходя из предложенных нами критериев модернизации, ответ будет отрицательным. Реформы Избранной Рады, с одной стороны, были реформами «сверху», реформами целенаправленными, взаимосвязанными и хорошо продуманными. Но с другой стороны, по дошедшим до нас источникам, можно сделать вывод об отсутствии у главных разработчиков реформ А.Д. Адашева, Сильвестра и др. цели перехода страны на качественно новый этап развития. В то время Россия находилась фактически в состоянии самоизоляции от государств Запада. Информация о том, что там происходило, была сведена к минимуму. А раз не было достаточной информации, то не было и ориентира, объекта для сравнения. Таким образом, реформы Избранной Рады были не модернизацией, а скорее попыткой совершенствования системы социально-экономических и политических отношений, сложившихся к этому времени. И это отнюдь не означало попытки перейти на новую стадию развития.

Следующая попытка проведения реформ «сверху» приходится на время правления Бориса Годунова (1598–1605 гг., фактически с 1584 г.). Судя по тому, что мы знаем о политике этого государственного деятеля, способности которого признавали даже его враги, именно в этот период появляется ориентир проведения реформ — более развитые страны Запада. Свидетельством этого является отправка дворян для обучения за рубежом, планы открытия в России университета и т. д. Появилось то, чего не было во время реформ Избранной Рады. Однако в случае с Борисом Годуновым вряд ли можно говорить о модернизации как свершившемся факте. Скорее это были планы, почти не воплотившиеся в реальность. Хотя налицо было появление главных критериев модернизации — наличие цели, ориентира, политической воли правителя, но не было главного: отдельные мероприятия и проекты в силу ряда объективных и субъективных причин не превратились в систему. К тому же в социально-экономической сфере именно при Борисе Годунове оформляется крепостное право — институт сугубо феодальный, консервативный, не имеющий ничего общего с переходом на новую более прогрессивную ступень развития цивилизации.

3.2. Модернизационные процессы в Российской империи

Следующий этап попыток серьезного реформирования общества и государства приходится на время правления Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) и Петра I (1682–1725 гг.). По мнению большинства историков, именно при Петре I была проведена первая модернизация в истории России. Посмотрим, так ли это, исходя из выдвинутых нами критериев модернизации. Абстрагируясь от конкретного содержания реформ Петра I, можно отметить следующее. Реформы конца XVII – первой четверти XVIII в. проводились «сверху» целенаправленно и сознательно, преследуя четкую цель — догнать, а затем и перегнать ведущие страны Запада, выйти на новый уровень развития и стать конкурентоспособными на международной арене. К тому же реформы Петра I были системными и охватили практически все сферы общественной жизни. Тем самым они полностью соответствуют критериям модернизации и их с полным основанием можно считать первой модернизацией в истории страны.

Однако в последнее время высказывается мнение о том, что может быть хронологические рамки первой модернизации следует расширить, включив в нее мероприятия в период правления отца Петра I Алексея Михайловича. На первый взгляд, у такого предложения есть серьезное основание. Действительно, при предшественниках Петра I (Алексее Михайловиче, Федоре Алексеевиче, царевне Софье) были проведены реформы, во многом предвосхитившие петровские: создание полков «нового строя» в армии, переход к активной экономической политике протекционизма (Торговый устав 1553 г. и Новоторговый устав 1667 г.); создание первых мануфактур, курс на повышение эффективности аппарата управления и переход к абсолютизму (прекращение созыва Земских соборов, отмена местничества, падение влияния Боярской Думы); усиление культурных контактов со странами Запада, начало перенимания европейского образа жизни и быта представителями правящей элиты. Но при более глубоком анализе мы увидим, что все эти мероприятия проводились разрозненно и не складывались в систему. К тому же, судя по дошедшим до нас источникам, вряд ли можно говорить о том, что правители и их окружение осознанно ставили перед собой модернизационные цели.

Тем самым реформы предшественников Петра I не полностью соответствуют критериям модернизации и поэтому их вряд ли можно считать началом первой модернизации в России. Скорее это был ее пролог, преддверие.

Сама же петровская модернизация, на этом сходятся все ученые, не была комплексной и по сути представляла собой выборочное заимствование в основном военных и экономических технологий и некото-

рых управленческих институтов. Модернизация Петра I почти не затронула социокультурную и политико-правовую сферы (европеизация культуры коснулась в основном дворянства, да и то не в полной мере), привела к гипертрофированному усилению роли государства во всех сферах жизни, бюрократизации, сопровождалась уничтожением ростков гражданского общества, без наличия которого вряд ли возможно нормальное проведение этого процесса. Резко возрос уровень эксплуатации населения добуржуазными методами. Крепостничество, наоборот, не только сохранилось, но и усилилось. Предпринимательские элементы в экономике, которые только-только начали зарождаться, были грубо подавлены. С другой стороны, петровская модернизация, проводившаяся почти исключительно на феодально-крепостнической основе и феодальными методами, показала эффективность (пусть и временную) мобилизации и концентрации ресурсов в руках государства. В будущем петровская модернизация стала рассматриваться многими реформаторами как образцово-показательная.

В любом случае модернизация Петра I, пусть частичная и однобокая, заложила мощный фундамент для дальнейшего развития страны. Однако преемники Петра I вплоть до Екатерины II занимались, по сути, эксплуатацией наследия Петра и оказались не способны в силу целого комплекса причин продолжить и завершить начатые им модернизационные процессы. Россия так и осталась на стадии переходного периода. Какое-то время государство могло развиваться на основе фундамента, заложенного реформами Петра, но до бесконечности это продолжаться не могло. К тому же западноевропейская цивилизация и в социально-экономическом, и в политическом плане сделала очередной рывок вперед. Дальнейшая эксплуатация наследия Петра I теряла всякий смысл. Чтобы сохранить имперский статус и не допустить чрезмерного отставания от Запада, необходимо было что-то предпринимать, как минимум, продолжить начатую Петром модернизацию, распространив ее на социальную и политико-правовую сферы, которые были ею почти не затронуты. Именно эти проблемы пришлось решать во второй половине XVIII в. Екатерине II, Павлу I, а затем и Александру I, которые в силу своих личных способностей, полученного образования и самообразования, широты политического кругозора, оказались соответствующими своему высокому положению (пусть иногда и полученному волею случая). Они были способны осознать необходимость серьезных перемен, ответить на очередной «вызов» западноевропейской цивилизации. Продолжение модернизации — такова была насущнейшая потребность дальнейшего развития российского государства и общества.

Однако положение осложнялось тем, что в Европе модернизация заключалась, прежде всего, в постепенной (в случае проведения реформ «сверху») или ускоренной (в случае революции) ликвидации пе-

режитков феодализма, переходе от натурального к товарному хозяйству, от аграрной экономики к индустриально-капиталистической.

В России же во второй половине XVIII — начале XIX вв. предпосылки буржуазного развития были слабо развиты. Крепостное право являлось фундаментом всего государственного организма. В этой связи политическая модернизация должна была неизбежно затронуть социально-экономическую сферу, т. е. вопрос о дальнейшем существовании крепостного права. Необходимость сочетать политическую модернизацию с социально-экономической при специфической социальной структуре российского общества усложняло и без того напряженную ситуацию для реформаторов, делало ее почти тупиковой.

Причем, если преобразования (или хотя бы их попытки) Екатерины II и Павла I не выходили за пределы системы социально-экономических и политических отношений, созданных при Петре I, то реформы, пусть и большей частью неудачные, Александра I (подготовка конституционных проектов, курс на постепенную отмену крепостного права, реформа системы образования и др.) явно выходили за эти пределы и, в случае успешной реализации, могли вывести страну на качественно новый этап развития. Поэтому реформы Александра I с полным основанием можно считать попыткой второй модернизации в истории России.

К сожалению, Александру I не удалось провести ни политическую реформу (ввести Конституцию западного типа), ни социально-экономическую (начать отмену крепостного права), т. к. одно противоречило другому. Введение Конституции предполагало создание Парламента, большинство в котором, исходя из особенностей социальной структуры российского общества того времени, неизбежно получило бы дворянство. В результате любой законопроект, хоть как-то касавшийся вопроса о крепостном праве, был бы неминуемо заблокирован дворянским большинством, и крепостничество оказалось бы законсервированным на длительный период времени. Отсутствие объективных причин, широкой социальной базы реформ стало главной причиной их неудачи.

Объективные причины для серьезного реформирования всех сфер общественной жизни появились только в середине XIX в. Тяжелый внешнеполитический кризис после поражения в Крымской войне привел к осознанию правящей элитой во главе с новым императором Александром II всей тяжести сложившегося положения и необходимости стать выше узкословных интересов ради интересов общегосударственных, сохранения статуса «великой державы». В 1860-е — начало 1870-х гг. были проведены серьезные реформы, соответствовавшие всем критериям модернизации и охватившие почти все сферы общественной жизни (отмена крепостного права, судебная, земская, городская, военная, финансовая, в сфере образования), и в целом способствовавшие переходу от аграрно-феодалного к индустриально-капиталистическому

пути развития. Однако почти все реформы в силу ряда причин были половинчатыми (особенно крестьянская) и незавершенными. К тому же они почти не затронули политическую систему. В результате во второй половине XIX в. возник новый блок противоречий: между темпами развития промышленности и сельского хозяйства, повышением уровня образования и отсутствием возможности у большинства населения участвовать в политической жизни и др.

Таким образом, вторая российская модернизация при Александре II, так же, как и петровская, оказалась частичной и незавершенной. Единственный положительный момент — серьезные изменения в социально-экономической сфере (отмена крепостного права) и введение местного самоуправления, пусть и в ограниченном объеме.

Продолжением второй волны модернизации стало проведение индустриализации в 1890-е гг. (реформы С.Ю. Витте). Ситуация осложнялась тем, что во второй половине XIX в. развитые страны Запада совершили очередной рывок вперед и перешли на стадию развитого индустриального общества. Россия же оставалась преимущественно аграрной страной со слабо развитой промышленностью. Наметилось очередное стадиальное отставание. Поэтому проведение индустриализации стало первоочередной государственной задачей. Индустриализация проводилась, прежде всего, за счет государственных средств (в том числе через активное железнодорожное строительство за государственный счет, стимулировавшее развитие смежных отраслей), а также активного привлечения иностранного капитала (с этой целью и была проведена денежная реформа 1897 г.). Были достигнуты значительные успехи в развитии промышленности. По общему объему производства Россия вышла на 5-е место в мире, но при этом существенно отставала от развитых государств по уровню жизни населения и темпам развития сельского хозяйства. К тому же возникли серьезные диспропорции в социальной сфере (маргинализация и люмпенизация значительных слоев населения, крайне низкий уровень доходов большинства рабочих и крестьян), что при отсутствии продуманной социальной политики со стороны государства привело к нарастанию социальных противоречий и социальному взрыву в начале XX в.

Таким образом, индустриализация рубежа XIX–XX вв. не была доведена до конца, а Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 г. и начавшаяся затем Гражданская война отбросили российскую экономику далеко назад к доиндустриальному периоду (достаточно сказать, что уровень промышленного производства снизился в 7 раз по сравнению с 1913 г.). Тем самым, каким бы не был политический режим после Гражданской войны, ему неминуемо пришлось столкнуться с первоочередной задачей проведения индустриализации заново.

3.3. Модернизационные процессы в СССР и в постсоветский период

Так называемую «сталинскую индустриализацию» конца 1920-х — начала 1930-х гг. можно считать третьей модернизацией России. В целом она напоминала петровскую модернизацию как по методам проведения, так и по целям и достигнутым результатам. Как и тогда, она проводилась под воздействием внешнеполитического фактора (необходимость создать мощную, прежде всего оборонную, промышленность для противодействия враждебному капиталистическому окружению и обеспечения экономической самостоятельности), носила догоняющий характер (ответ на «вызов» империалистического Запада), осуществлялась в предельно сжатые сроки и за счет беспрецедентного усиления государства и его вмешательства во все сферы жизни.

Как и при Петре I, в экономическом развитии страна совершила гигантский рывок вперед, выйдя по объемам промышленного производства на 2-е место в мире и обеспечив индустриальный фундамент, без которого была бы невозможна победа в Великой Отечественной войне. Однако все эти успехи были достигнуты за счет резкого усиления эксплуатации населения и, прежде всего, крестьянства, которое в ходе проведения принудительной коллективизации фактически было превращено в государственных крепостных, а также проведения массовых репрессий, жертвами которых стали сотни тысяч (если не миллионы) людей. В ходе «сталинской модернизации» произошло полное огосударствление всех отраслей экономики, тотальная бюрократизация и идеологизация всех сфер общественной жизни, полная ликвидация прав и свобод личности. Структура самой экономики не была сбалансированной, наблюдался явный перекося в сторону отраслей тяжелой промышленности, ориентированных на оборону, в ущерб развитию легкой промышленности, что порождало возникновение постоянного дефицита товаров гражданского назначения. Намного отставал от стран Запада уровень жизни и уровень потребления населения.

После завершения Второй мировой войны СССР получил статус одной из двух сверхдержав мира, но при этом буквально сразу оказался втянутым в холодную войну с США и его союзниками, причем в явно невыгодных условиях. Во-первых, экономика США была изначально намного мощнее, она не только не пострадала от участия в мировых войнах, скорее наоборот, значительно укрепилась. Во-вторых, все западные и южные районы европейской части СССР (бывшие оккупированные территории) были полностью разорены, индустриализацию там необходимо было проводить заново.

В этих условиях командно-административная система управления экономикой демонстрировала определенные преимущества, т. к. поз-

воляла быстро мобилизовать все имеющиеся ресурсы на решение стратегических задач. В данном случае, быстрое восстановление экономики разрушенных районов и достижение паритета в гонке вооружений с США. Благодаря неимоверному напряжению всех видов ресурсов и всех сил народа нашей страны, эти задачи были успешно решены. Однако политическое руководство СССР восприняло эти достижения, как свидетельство того, что командно-административные методы управления экономикой являются единственно возможными и вполне применимы не только в чрезвычайных ситуациях, но и в мирное время. Отсутствие конкуренции между предприятиями во внутриэкономических отношениях, постоянный диктат и мелочный контроль со стороны государства приводили к незаинтересованности во внедрении новшеств и, в конечном счете, вели к экономической стагнации, что и произошло на рубеже 1970–1980-х гг.

Между тем, в развитых странах Запада и Японии в 1960–1970-х гг. началась научно-техническая революция (НТР). На ее основе начался постепенный переход к постиндустриальному этапу развития. Нельзя сказать, что СССР оказался вообще в стороне от этих процессов. Достижения НТР использовались и внедрялись, но преимущественно в оборонной промышленности и космонавтике (да и то ее следует рассматривать как своеобразный побочный продукт военно-промышленного комплекса). В отраслях гражданского назначения достижения НТР почти не находили применения. В результате темпы экономического роста неуклонно снижались, экономическое соревнование со странами Запада СССР явно проигрывал, наметилось очередное стадийное отставание от этих государств. Положение усугублялось новым витком гонки вооружений в 1979–1984 гг. на фоне падения цен на энергоносители. Экономика СССР к 1985 г. оказалась на грани полного истощения. Страна нуждалась в реформах и новой модернизации.

Однако попытки экономических, а затем и политических реформ во время правления М.С. Горбачева («Перестройка» 1985–1991 гг.) в силу ряда причин окончились еще большим углублением экономического кризиса и распадом государства. Новое руководство России (как правопреемницы СССР) во главе с Б.Н. Ельциным пошло по пути раздела огромной государственной собственности между узким кругом лиц («олигархический» капитализм). В результате «шоковой терапии» начала 1990-х гг. резко снизился платежеспособный спрос населения, началось резкое падение производства из-за гиперинфляции, криминализация общества. В результате вместо новой модернизации произошла деградация экономики России. По уровню развития она оказалась отброшена на несколько десятилетий назад, фактически началась ее деиндустриализация.

В 2000-х гг. наметилась некоторая стабилизация, в основном за счет повышения мировых цен на энергоносители. Однако как по струк-

туре, так и по основным показателям экономика России намного отстает от экономик государств, вступивших на постиндустриальную стадию развития. Новая модернизация России и, прежде всего, ее экономики, неизбежна. Это осознает и нынешнее руководство страны. К сожалению, дело ограничивается в основном громкими лозунгами, конкретная же программа проведения модернизации, по сути, отсутствует.

В заключение хотелось бы подвести некоторые итоги и, прежде всего, по вопросу о количестве модернизаций в истории России. Исходя из предложенных критериев модернизации, можно сделать вывод, что в истории России было предпринято три попытки модернизации, которые с известной долей условности можно считать удачными (при Петре I, Александре II и И.В. Сталине). Они, в основном, достигли поставленных целей (вывод страны на новый этап развития, сокращение отставания от развитых государств, повышение конкурентоспособности на международной арене), и две неудачные — при Александре I и М.С. Горбачеве. При этом все они носили догоняющий, экзогенный характер, ни одна из них не была комплексной и не затронула одновременно всех сфер общественной жизни.

Исторический опыт попыток проведения модернизации в России, да и в других «незападных» государствах свидетельствует об одном — слепое копирование западных образцов неприемлемо. Оно ведет к серьезным диспропорциям в разных сферах общественной жизни и возникновению новых противоречий и кризисных ситуаций. Положительный опыт проведения модернизационных процессов в таких государствах, как Япония и, особенно, Китай, показывает, что модернизацию необходимо проводить на основе собственной идентичности, обязательного скрупулезного учета социокультурных особенностей населения, специфики местной экономической и политической систем, предыдущего исторического опыта проведения подобных процессов.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ

1. Как вы понимаете сущность модернизации?
2. Перечислите и объясните критерии модернизации.
3. Объясните необходимость и дайте историческую характеристику реформам Избранной Рады.
4. Как вы оцениваете попытки модернизации в эпоху Бориса Годунова?
5. Оцените историческую роль реформ второй половины XVII в.
6. В чем специфика и характерные особенности петровской модернизации?
7. Какие модернизации и попытки модернизаций в имперский период российской истории вы знаете?

8. Укажите специфические черты этих модернизаций. В чем специфика модернизации советского времени, укажите общее и особенное по сравнению с предшествующими модернизационными проектами.
9. Заполните таблицу:

МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Исторический период, правитель государства	Объекты модернизации (какие сферы реформировались)	Методы модернизации (каким образом осуществлялась модернизация)	Итоги модернизации, ее социальная цена

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А.С. Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. №7. С. 3–6.
2. Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: 1998.
3. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: 2004.
4. Захаров В.Ю. Сколько было модернизаций в истории России? // Преподавание истории в школе. 2014. №9.
5. Ильин М.В. Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости. М.: 2000.
6. Каменский А.Б. Российские реформы: уроки истории // Вопросы философии. 2006. №6.
7. Кобрин В.Б. Смутное время и утраченные возможности. // История Отечества: люди, идеи, решения. М.: 1991. Ч. 1. С. 163–186.
8. Ланцов С.А. Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации // Полис. 2001. №3
9. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука, 2001.
10. Павленко Н.П. Петр I и его время. М., 1989.
11. Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система и реформы // ProetContra. 1999. №4.
12. Фомина А.С. История модернизации в России. М.: 2003.

◆

Тема 4. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

ПЛАН

1. Русская национально-государственная идеология как духовно-политическая программа становления Русского государства X–XV веков.
2. Русская национально-государственная идеология как духовно-политическая основа укрепления России как централизованного государства XVI–XVII веков.
3. Российская национально-государственная идеология как определяющий фактор в обосновании самодержавной власти Российской империи XVIII века.
4. «Русская идея» как отражение путей поисков развития российского государства в предмодернизационный период.
5. Марксистско-ленинская идеология — основа построения советского социалистического государства.

Цель: рассмотреть развитие основных идеологем российского государства в исторической ретроспективе.

Термины и понятия: идеология, Третий Рим, богоизбранность, русская идея, православие, нестяжательство, иосифлячество, монархия, самодержавие, теория официальной народности, славянофильство, западничество, народничество, русский социализм, анархизм, идеократия, марксизм, консерватизм, либерализм, евразийство, патриотизм.

4.1. Русская национально-государственная идеология как духовно-политическая программа становления Русского государства X–XV веков

Генезис русской национально-государственной идеологии в духовно-политической мысли принято связывать с возникновением и развитием Древнерусского государства. Как писал И. Ильин, «возраст русской идеи есть возраст самой России». Во все периоды становления, формирования и развития Руси, Российского государства, и Советского Союза каждый из которых имел свои характерные особенности развития духовно-политических, социально-экономических отношений, существовала единая российская государственность, национально-государственная идеология, характеризовавшиеся преемственностью, изменявшиеся в зависимости от политических и исторических задач, стоявших перед страной, но всегда являвшихся основой государственной целостности России.

Политические идеологии являются особым типом верований и предубеждений людей. Анализ идеологии как формы сознания родственной вере обнаруживает следующие черты: спекулятивность, догматичность, апологетичность, авторитарность, репрессивность. Важным компонентом их содержания являются политические мифы.

Генезис русской национальной идеологии в духовно-политической мысли связан с возникновением и развитием Древнерусского государства. Развитию русского духовно-политического мышления и национальной идеологии способствовали принятие христианства, распространение письменности и активная политико-правовая жизнь государства в XI–XII вв. Христианство дало прочную основу государственной власти. Выбор восточного христианства, византийского православия Древней Русью в качестве государственной религии определил особенности развития государственности и идеологии. Уже в XI в. появляется осознание богоизбранности русских, уравнивавшее их с византийцами, претендовавшими на политическое господство в Восточной Европе. В политической мысли Древней Руси особое место заняли темы церковно-государственной независимости, суверенитета Российского государства, концепция государя-самодержца. Фундаментальной политической идеей в отечественной мысли явилась идея великодержавности, которая прошла через всю последующую российскую идеологию и отголоски которой слышны до сих пор.

4.2. Русская национально-государственная идеология как духовно-политическая основа укрепления России как централизованного государства XVI–XVII веков

Обоснование самодержавия опиралось не только на ранее развитые принципы иосифлянства, но и на концепцию «Москва — третий Рим» псковского старца Филофея, явившегося в то же время сторонником иосифлянского течения по своей идеологической направленности. Его учение развивало и уточняло главные иосифлянские идеи о природе царской власти, ее назначении, взаимоотношении с подданными и церковной организацией, государственной идеологии.

Идеология Москвы, как Третьего Рима, не только способствовала укреплению и могуществу московского государства, царского самодержавия, повышала авторитет и престиж России на международной арене, так и, что более важно, внутри страны — в качестве мощного фактора развития русско-российского сознания и самосознания.

Объединенному суверенному Российскому государству более не соответствовала такая форма власти, как раннефеодальная монархия. Возникла необходимость в изменениях организации власти, государственного устройства, новых формах их обоснования, политической и национальной идеологии. В духовно-политических произведениях того времени разрабатывалась не только апология абсолютизма, одной из основных тем становится идея религиозного и исторического возрождения России, православных народов.

Важнейшим этапом эволюции национального самосознания явился Церковный раскол, послуживший идейно-политическим основанием церковной реформы, а также период смутного времени, в результате которого в 1613 г. был созван Земский собор, избравший на царство сына патриарха Филарета Михаила Романова, связанного с прошлой династией родственными узами. Родство с патриархом символически утверждало священный характер царя Михаила, делало его выразителем интересов всего православного народа. В период Смутного времени оформился идеал «прирожденного царя», ставшего на века опорой русского самодержавия и впервые нашедший глубокий отклик в народе.

Во второй половине XVII в. в России произошло становление национальной модели абсолютизма — российского самодержавия как особого этапа в развитии российской государственности. Произошло окончательное закрепление царского статуса российских государей. По мере укрепления организующего центра, происходит укрепление национальной идеологии, которая выражалась в религиозных реформах и по поводу которых велась ожесточенная борьба. Была осознанна важность самой миссии России, выдвигавшейся в качестве национальной страте-

гии. Шло формирование русской нации. Понимание происхождения и сущности самодержавной царской власти, представление об идеальном православном государе, о божественном происхождении монаршей власти, учение о преемственности власти русских царей от византийских императоров и римских цезарей, роль Русской Православной церкви в укреплении российской государственности становятся основными темами в отечественной политической мысли XVII в. Таким образом, Русская национальная идеология, разрабатываемая в отечественных политических концепциях XVI–XVII вв., во многом способствовала укреплению России как суверенного централизованного государства.

4.3. Российская национально-государственная идеология как определяющий фактор в обосновании самодержавной власти Российской империи XVIII века

К началу XVIII века тенденция к превращению сословно-представительной монархии в абсолютную стала определяющей в практике реализации верховной власти. Русская национальная идеология формируется как основа идеологии самодержавной власти Российской империи. Организация государственной власти и система управления подверглись существенным изменениям. Наиболее радикальной переменной было изменение отношения самого царя к государству. Он впервые заявил о себе не как о хозяине вотчины под названием Россия, он считал себя на службе у Российского государства.

В эпоху Петра Великого была осуществлена одна из самых великих трансформаций в истории России, а именно планомерное и радикальное включение страны в систему мировой — в тот период западноевропейской — материальной и духовной культуры. Эти преобразования затронули не только экономику, политику, военное дело, но и духовный мир человека, его национальное самосознание. Петровские реформы способствовали формированию социально-экономических, политических, идеологических и духовных основ абсолютной монархии в России. В этот период было дано рационалистическое обоснование идеи божественного происхождения верховной власти, сформулирована официальная доктрина самодержавия. Преобразования Петра I и активный процесс государственного строительства находили свое обоснование в политических теориях его современников, представителей «ученой дружины»: И. Посошкова, В. Татищева, А. Кантимира, Ф. Прокоповича. Оппозиционное положение в отношении данной идеологии власти позднее занял А. Радищев, который первым поста-

вил вопрос о противоестественности, ложности оснований и самодержавия, и крепостного права.

Сложные процессы в политических и национальных отношениях, в которые была втянута Россия в XVIII в., стимулировали развитие национального самосознания русского народа, осознание им величия своего государства, объединившего множество народов и добившегося громадных успехов. Русское национальное самосознание из формы национальной психологии выросло до уровня идеологии и культуры, открыло дорогу процессу национального самопознания.

Особенности развития Российского государства определили то, что русское национальное самосознание во многом носило имперский характер. Лица нерусских народностей, населявшие территорию Российской империи, именовались «инородцами». Царское правительство не желало замечать накопившихся противоречий в культуре русского, украинского и белорусского народов, зачисляя их всех в разряд «русских» и не считалась с наличием украинского и белорусского языков. События XVIII в. резко изменили положение России в системе европейских стран и самосознание русского народа. Вместе с тем они заложили глубокие противоречия в государственных и национальных отношениях, народном самосознании, во многом не разрешенные до сих пор. В этот период труды мыслителей обозначается тенденция поисков обоснования национального самосознания вне прежней церковной идеологии. Здесь мы находим секуляризованный национализм, соединенный с гуманизмом. Уже не Святая Русь, а Великая Русь вдохновляет их. Идея величия России проходит через все политические произведения той эпохи.

4.4. «Русская идея» как отражение путей поисков развития российского государства в предмодернизационный период.

Обращение к русской идее, как смыслообразующему понятию, происходит в первой половине XIX в., когда Россия, впервые из страны, постоянно борющейся за выживание, превратилась в мировую державу. Это изменение позиции России в мире вызвало рефлексию по поводу новых конституционных оснований ее социально-политического и общественно-культурного бытия. В конечном итоге эта рефлексия приобрела форму русской идеи со своим проблемным полем и направлениями ее исследования. Таких направлений мы выявляем три. Первое рассматривает русскую идею, опираясь на христианское миропонимание, в соответствии с формулировкой Соловьева и Бердяева как метафизическую реальность («Замысел Бо-

га о России»). Второе рассматривает русскую идею как определенный интеллектуальный комплекс идей, одинаковых по содержанию, но по-разному трактуемых. Третье рассматривает русскую идею как политическую, выражающую антиевропейский национализм. В проблемном поле русской идеи важнейшими были понятия сборности, как единства всех слоев русского общества для блага Отечества, православия, понимаемого не только как религия, но и как представление о смысле жизни, национальной самокритики.

С восшествием на престол Александра I общественное сознание связывало надежды на благотворные перемены в стране. Новый император предоставил ряд свобод своим подданным, был создан Негласный комитет, где обсуждались вопросы дарования России конституции. Все это привело к тому, что дворянско-либеральное мировоззрение вновь становится доминирующим, а консервативно-охранительное временно отходит на второй план.

В то же время именно проблема создания государственной идеологии и поиска «русской идеи» разрабатывалась в политической мысли отечественного консерватизма. Системообразующей частью идейно-политического комплекса русского консерватизма в XIX в. стала «теория официальной народности», в основе которой — утверждение своеобразия культурно-исторического пути развития России как особого государственного образования, специфику которого составляет неразрывная связь между православным вероисповеданием, с самодержавной формой правления и духовным единством нации в рамках особого культурно-исторического типа. Уваров, формулируя основные принципы концепции, немало почерпнул у М. Погодина, выдвинувшего концептуальные тезисы, ставшие затем весомыми аргументами в теоретическом обосновании уваровской триады. Основными положениями национально-консервативной концепции М. Погодина стали утверждения об особом пути развития России, о специфике образования русского государства и национально-политической целостности страны. В истории русского государства он нашел истоки и основание современного могущества России, обусловленного отличиями исторического развития России и Европы.

На рубеже 30–40-х гг. XIX в. в среде дворянской интеллигенции сложилось два течения политической мысли: славянофилы и западники. Представители этих направлений обсуждали вопросы исторических судеб России, ее места и роли среди других народов, особенности ее политического и правового опыта в сравнительно-историческом сопоставлении с опытом Европы и народов Востока.

Социально-политическая программа либерального западничества была подкреплена в своем основании политическими концепциями в области осмысления истории государственности России и ее места в мировом историческом процессе, утверждала необходимость

правового государства, проведения обязательных социально-политических реформ в духе либерализма. В условиях России — это отмена или радикальное смягчение крепостного права, осуществление реформы государственного аппарата, борьба с бюрократизмом. Идеалы разделения властей, терпимости к инакомыслию и инаковерию, гарантии от произвола — все эти элементы социальной жизни, сложившиеся в Западной Европе, проецировались на российские условия. Западники подготовили не столько политически, сколько психологически реформы 60-х гг. — отмену крепостного права, судебную, военную, городскую реформы.

После реформ 60-х годов острота разногласий между славянофилами и западниками утратила свое былое значение. Славянофильство эволюционировало в сторону почвенников и сблизилось во многом с консервативными противниками реформ, однако значительная часть их ожиданий и надежд в отношении русской общины была воспринята идеологами «русского социализма» (Герцен, Чернышевский).

Общественный подъем и воодушевление, связанные с крестьянской реформой 1861 г. и последующими реформами в различных сферах придавали новый стимул идейно-политическим течениям и философско-правовым построениям. Произошло дальнейшее идейное размежевание между реформаторами, консерваторами, либералами и радикалами, возникли ранее неизвестные разновидности философско-политических программ и единений, в том числе и нелегальных.

Таким образом, при всем внешнем разнообразии трактовок «русской идеи», национальной идеологии как духовно-политической основы государственности России, государственного обустройства России в политической мысли 50-х гг. XIX в. обозначились две позиции — либеральная и народническая, последнюю можно назвать радикальной версией и развитием славянофильской доктрины.

Реформа 1861 г. не оправдала ожиданий крестьян в отношении земельного обеспечения и свободы и вызвала различные нарекания среди ее сторонников и тем более противников. Шестидесятые годы отмечены появлением направлений в идейном содержании общественных движение и их идейных взглядах. Этот период изобилует программами и идеологиями представителей радикального направления. Представителями русского утопического («крестьянского») социализма стали А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Огарев.

С именем М. Бакунина связано зарождение и распространение идей коллективистского анархизма. Он сформулировал ряд идей, которые были использованы при создании программных целей бунтарского направления в русском народничестве.

В 70–80-е гг. XIX в. в России сформировались идеологических концепций государственного устройства в теориях народнического социализма.

Развитие «русской идеи» продолжил Н. Данилевский, автор оригинальной концепции, основные положения которой он раскрыл в работе «Россия и Европа». Идеи Н. Данилевского предвосхитили выдвинутые уже в XX в. теории локальных цивилизаций О. Шпенглера и А. Тойнби. Они оказали значительное воздействие на всю следующую социально-философскую мысль. Одним из главных итогов его концепции явилось выявление исторического своеобразия славянских народов, особенно народов России. Глубокий анализ процессов политического, социального, национального и культурного развития России, русской государственности, национального сознания и идеологии дал К. Леонтьев в работе «Византизм и славянство».

В последние десятилетия XIX в. российский консерватизм изменил свой облик. Консерватизм 80–90 гг. концептуально оформился в теории «монархической государственности» Л. Тихомирова. Государственность в концепции Тихомирова характеризуется ключевыми моментами, такими как принципы идеальной монархичности; проблемы социальной целостности; вопросы будущего монархической идеи; понимание демократии, бюрократии, абсолютизма. Ему удалось наиболее определенно сформулировать одну из важнейших идей, развитую и подхваченную последователями, — идею идеократии.

Большой интерес представляют взгляды на проблему «русской идеи» представителя направления либерального консерватизма религиозно-философской ориентации В. Соловьева. Концепция национальной идеи Соловьева лежит в русле его религиозно-философской системы, она рассматривалась им как частный случай софийской идеи — общечеловеческой христианской идеи.

4.5. Марксистско-ленинская идеология — основа построения советского социалистического государства

Победа Октябрьской революции 1917 г. была закономерна и не явилась случайностью. Большевики опирались в своей деятельности на мощные тенденции общественного развития и на не менее мощные пласты общественного сознания. Данная альтернатива имела глубокие корни в истории нашей страны. Она означала возвращение на новом этапе развития и в новых условиях к восточному принципу власти-собственности. Большевики предприняли попытку создания мировой коммунистической цивилизации. Коммунистическую перспективу они видели как цивилизационный проект развития России в системе коммунистической цивилизации.

Марксистско-ленинская идеология как основа построения советского социалистического государства была сформулирована В. Лениным, разработавшим принципы построения государства и государственной власти в стране. Положения о диктатуре рабочего класса, пролетарской демократии, о соотношении коммунистической партии и советского государства, его территориальном единстве, внешней политике составили основу ленинского учения о социалистической государственности. Видным теоретиком партии большевиков явился Н. Бухарин, следовавший большевистским взглядом на классовость государства, диктатуру пролетариата, советское государство, его природу и предназначение. С середины 20-х гг. почти на три последующих десятилетия главным теоретиком большевизма и последователем идей Ленина явился И. Сталин, сыгравший большую роль в области политической теории и практики построения государственности и государственной идеологии в СССР. Богданов А., являвшийся ведущим идеологом Пролеткульта, предложил на основе достижений мировой политической мысли свой вариант развития идеологии марксизма.

Государственное устройство СССР и организационное строение правящей партии, имели и плюсы и минусы. Основным плюсом было то, что высокий уровень централизации государственной и партийной структур позволял мобилизовать на наиболее важных для страны в конкретный исторический момент направлениях максимум необходимых ресурсов и сил и добиваться максимальных результатов в кратчайшие сроки.

Государственное устройство имело и ряд минусов. Отсутствие свободной конкуренции ограничивало свободу действий и инициативу не только граждан, но и целых регионов. Другим значительным минусом было то, что огромная бюрократическая машина центральных и местных органов управления была консервативной. Со временем она превратилась в основной тормоз общественного прогресса, стала одной из главных причин реформ перестройки, неудачное проведение которых послужило детонатором распада СССР.

Развитие Российского государства, национально-государственной идеологии и самосознания русского народа в Советский период во многом были схожи с предыдущими этапами развития страны, прежде всего в силу идеократического характера государственной власти. Советский Союз был супердержавой, государством с альтернативной Западу самобытной цивилизацией, которая цементировалась трудом всех народов страны. Был создан единый хозяйственно-экономический комплекс, который выражал общемировую тенденцию к интернационализации и был основой, фундаментом патриотизма и солидарности граждан страны, позволил соединить интересы народов Советского союза.

В современной России в соответствии со статьей 13 Конституции «признается идеологическое многообразие», «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ

1. Что понимается под термином «политическая идеология»?
2. Назовите признаки идеологии.
3. Каким образом между собой соотносятся политическая идеология и интерпретации исторического прошлого?
4. Как вы понимаете высказывание И. Ильина: «Возраст русской идеи есть возраст самой России»?
5. Каким образом между собой связаны религия и идеология?
6. Какие идеологические построения сопровождали процесс образования российского централизованного государства?
7. Какие учения можно считать идеологическим оформлением петровской модернизации?
8. Назовите основные идеологические построения имперского периода российской истории.
9. Чем можно объяснить то, что именно марксистское учение в России достаточно быстро приобрело столь высокую популярность?
10. Заполните таблицу:

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОЦЕССОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ГЕНЕЗИСА ОСНОВНЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Исторический период (хронологические рамки)	Основные события и процессы истории российского государства	Идеологические построения, сопровождавшие процесс развития государства, их основные тезисы

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарова А.В. К вопросу об истории развития идеологии патриотизма в России // Вестник Военного университета. 2010. № 3 (23).
2. Антонов М.В. История правовой мысли России. Конспект лекций. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ. СПб.:2011.
3. Вольтер О.В. Генезис русской национальной идеологии как духовно-политической основы государственной целостности России X–XIX вв. Армавир: Изд-во АГПУ, 2008.
4. Вольтер О.В. Русская национальная идеология как духовно-политический фактор развития Российского государства в XX — начале XXI в. Армавир: Изд-во АГПУ, 2008.
5. Дементьев А. Великие идеи патриотизма в творчестве русских классиков. Л.: 1944.
6. Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России. М.: Юристъ, 2003.
7. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М.: 1995.
8. Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России. Режим доступа: www.strategy-spb.ru/partner/files/Publ_sphere_Polis.doc
9. Сирота Н.М. Мировые политические идеологии. СПб.:2008.

◆

Тема 5. ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

ПЛАН

1. Формирование России как многонационального государства.
2. Противоречия советской национальной политики.
3. Отдельные характеристики национальной политики современной России.

Цель: целью данной лекции является рассмотрение истории России как многонационального государства, истории взаимоотношений государства и населяющих его народов.

Термины и понятия: этнос, этатизм, ксенократия, нация, национальный вопрос, инкорпорирование, автономизация, федерализация, право народов на самоопределение, национальная политика государства, коренизация, этнократия.

5.1. Формирование России как многонационального государства

Для Российского государства, исторически сложившегося как многонациональное, взаимоотношения населяющих его народов всегда выступали значимым фактором внутренней и внешней политики. В постсоветский период проблемы межнациональных отношений приобрели особую остроту. Неотложное решение этих проблем стало важнейшим условием существования и целостности Российской Федерации и будущего ее народов.

Политический опыт России в минувшее столетие свидетельствует о существенном повышении принципиальной роли этнонациональ-

ной составляющей в развитии любой сферы жизнедеятельности общества, эволюции общественного сознания и ментальности, в революционной трансформации типа государственности. Важнейшими вехами этого эволюционного процесса были 1917 и 1991 годы, когда радикально изменялись пространство функционирования и сущность этнополитических и этноконфессиональных факторов развития российского социума, его государственная, социально-экономическая и политическая системы.

Всякий раз требовалась выработка новых научных и политических подходов к определению и реализации правовых, политических, экономических и идеологических норм, механизмов развития международных отношений, государственной этнонациональной и конфессиональной политики, в соответствии с требованиями всесторонней модернизации общества и государственного устройства, обеспечения безопасности и повышения международного авторитета России.

Российское государство формировалось и развивалось как многонациональная держава. Согласно переписи 1897 года русский язык считали родным 47% населения Европейской России, украинский — 19%, белорусский — 5%. Остальное население, то есть 39%, говорило на языках неславянских народов.

Народы России отличились друг от друга не только языком, но и религией (православные составляли 70,8% населения, католики — 8,9%, мусульмане — 8,7%), образом жизни, культурными традициями, уровнем общественно-экономического развития. Поэтому национальный вопрос и национальная политика имели важное значение для стабильного развития России. Ни один народ не исчез с лица земли под русским владычеством. Это уникальный случай в истории мировых империй.

Ядро Русского централизованного государства сформировалось в XV-XVI вв. и не имело четких границ. На восточных рубежах имелись неосвоенные земли Сибири, Поморья, Дальнего Востока и другие, на которых русские военные отряды, промышленники, торговцы, переселенцы занимали свободные земли. Международное признание этих земель за Россией решалось путем мирных переговоров с Англией, США, Китаем, Японией. Такой путь вхождения территорий и населяющих ее народов в состав России был самым безболезненным и естественным.

В европейской части ситуация была совершенно иной. России пришлось в поисках выхода к морю вести упорную борьбу и многочисленные войны с Турцией, Польшей, Швецией. Территории, граничившие здесь с Россией и в последующем оказавшиеся в ее составе, не принадлежали названным государствам, а были ими завоеваны. Украина и Белоруссия — Польшей, Прибалтика и Финляндия — Швецией, Молдавия — Турцией. В силу исторических и культурных корней значительная часть населения этих территорий симпатизировала и ориентировалась на Россию, что облегчало последней их включение в свой состав.

Иной путь вхождения в состав России характерен для многих народов Средней Азии и Кавказа. Здесь имелись многочисленные феодальные владения, охваченные междоусобицами. Поэтому переход в Российское подданство воспринимался правителями и народами этих регионов как фактор выживания и стабильности.

Имелись и иные пути расширения территории и вхождения народов в состав России, которые были тесно переплетены с конкретной международной ситуацией, геополитическими и военными интересами, тяготением России к новым природным и земельным ресурсам. Включая в свой состав те или иные территории и народы, Россия в целом учитывала их этнический состав и особенности, географическое положение, уровень социально-экономического развития и др. Поэтому в Российской империи сложилась специфическая система управления и сложное административно-территориальное деление, которые были далеки от идеальной модели, но оказались жизненными и способными объединять многочисленные народы в единое государственное сообщество.

В стране все народы были участниками строительства и носителями государственности. Правительство в отдельные периоды старалось проявлять осторожность в отношении национальных окраин, предоставляло своеобразные льготы, как, например, сохранение различных религий, шариатских судов для мусульман, освобождение от крепостной повинности народов Сибири и русского севера, или — от всеобщей воинской повинности неправославного населения и т. п.

Вместе с положительным опытом в национальной политике России имелись существенные пробелы. Политика по отношению к нерусскому населению державы не была одинаковой. На украинцев и белорусов смотрели как на часть русского народа. В восточных землях старались сохранить особенности проживающих здесь народов и управляли с помощью местной знати. На уровне подзаконных актов существовали ограничения татар-мусульман. Законом были ограничены в правах евреи, а с 1864 г. — поляки-католики. Правовые ограничения действовали исходя из конфессионального признака и степени владения государственным (русским) языком. Конфессиональные различия в основном совпадали с национальными, поэтому такие ограничения носили характер национальной дискриминации.

Однако следует отметить, что в целом расовые, этнические, религиозные особенности российских народов не помешали вовлечению их в общероссийскую общность, интегрированию их в имперскую структуру и сохранению ими своей особой ментальности.

В военном и гражданском аппарате Российской империи на самых высоких должностях были представители разных народов. Накануне первой мировой войны в состав Свиты его императорского величества входили князь А. И. Багратион-Мухранский, граф П.-Л.-И.-С. Бен-

кендорф, К. А. Бойсман, Эмир Бухарский Сеид-Мир-Алим, Хан Хивинский Сеид-Асфендиар-Багатур хан, О.-Ф. К. Гриппенберг, И. Г. Эрдели и другие. Среди генерал-адъютантов Николая II числился будущий фельдмаршал и президент Финляндии К. Г. Маннергейм. Личная охрана императора состояла из народностей Кавказа. Подданный России, независимо от национального происхождения, мог пользоваться всеми правами государственной службы и сословными привилегиями, если проявлял готовность и старание служить государству.

5.2. Противоречия советской национальной политики

Принципиально новую сущность и новые особенности национальной политики определила Советская власть.

Советское государство считало одним из важнейших своих достижений реализацию ленинской национальной политики. С гордостью отмечалось, что в ходе социалистического строительства в нашей стране исчезли бывшие национальные окраины; сформировались социалистические нации, образующие новую посвоим социальным параметрам интернациональную общность — советский народ; сложились общие черты культуры, присущие советским людям всех национальностей; ушла в прошлое национальная рознь, нормой жизни стала братская дружба народов.

Советская власть уделяла национальному вопросу и национальной политике большое внимание с первых лет существования. Второй Всероссийский съезд Советов (25–27 октября 1917 г.), провозгласивший Российскую республику Советской, в обращении к рабочим, солдатам и крестьянам отметил, что советская власть «обеспечивает всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение». В Декларации прав народов России советского правительства были сформулированы основные принципы национальной политики: равенство и суверенность народов России; право народов России на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех и всяких национальных, национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. Эти принципы были конкретизированы в ряде последующих документов и закреплены в основном законе — Первой Советской Конституции (10 июля 1918 г.).

Реализация провозглашенных принципов оказалась сложной задачей. Юридическое равноправие граждан не означало фактического равенства народов. Народы бывших национальных окраин Российской империи значительно отставали в своем социально-экономическом развитии от центральных районов страны. Поэтому с переходом к

мирному строительству, то есть с начала 1920-х годов, был взят курс на ликвидацию фактического неравенства народов в экономической, социальной, культурной и других сферах. Лишь к началу 1970-х годов было объявлено, что в основном преодолено экономическое неравенство, и вся страна созрела до интенсивных методов ведения хозяйства.

Национальное самоопределение рассматривалось как один из инструментов строительства социализма. Однако это не означало, что национальная политика была отодвинута на задний план. Выстраивание отношений с окраинами в лице представлявших различные этносы структур, учет этнической специфики регионов в ходе социальных преобразований занимали важное место в деятельности органов правящей партии и Советской власти. При этом сама практика порождала массу противоречий, проблем и вопросов, решать которые приходилось, перестраивая на ходу не только методы и приемы, но и принципы политики.

Развернувшаяся «культурная революция» сопровождалась ликвидацией всеобщей неграмотности народов, подготовкой высококвалифицированных национальных кадров. Формировалось новое мировоззрение граждан под лозунгом создания новой культуры — «социалистической по содержанию и национальной по форме». Уже в 1930-х годах была в основном ликвидирована неграмотность среди населения. Многие народы впервые в своей истории получили письменность на родном языке.

Суверенность и право на самоопределение привели к активному поиску форм государственного устройства многочисленных народов страны. Такая работа развернулась с первых дней установления советской власти и стала важнейшим стимулом её победы в бывших национальных окраинах Российской империи. В итоге в СССР сложилось 15 союзных и 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 национальных округов.

За годы советского строительства происходили и коренные социальные изменения, на основе которых был сделан вывод о формировании социалистических наций, вступлении СССР с 1970-х годов в стадию развитого социализма и создании на основе сближения социально-классовых структур различных наций и народностей новой исторической общности людей — советский народ. Национальный вопрос теперь преподносился как решенный в принципе, поскольку произошло реальное сближение всех наций и народностей на почве социалистического общественного сознания и образа жизни. Дальнейшая перспектива виделась в слиянии наций, в исторической перспективе, снимающей все их прежние национальные особенности.

Подготовленная в рамках политики коренизации, а затем и в 60 — 80-е гг. XX в. местная национальная элита вкупе с индустриализацией и модернизацией всех сфер жизни регионов породила новые социаль-

ные и экономические взаимоотношения между различными этническими группами населения. С одной стороны, нередко реальная иерархия властных отношений строилась на основе клановых, родовых и семейных связей, а с другой стороны, представительство т.н. титульных этносов в отраслях промышленности было явно недостаточным. Эти перекосы, как и специфическая динамика представительства этносов в научной, культурной и образовательной областях на уровне союзных и автономных республик, стали особенно ощутимы в конце XX столетия.

Тем не менее, интернационализм стал реальным и важным фактором повседневной жизни советского общества. В его рамках действительно сформировалась новая полиэтническая общность со своей четко выраженной социокультурной спецификой, идеологией, ментальностью, стереотипами поведения, ценностями и критериями духовной жизни. В истории советского народа тесно переплелись великие достижения и трагические потери, высокая степень межэтнической толерантности и вопиющее пренебрежение к национальным, социальным и духовным ценностям человека, прежде всего со стороны государства. При этом для политики репрессий этническое происхождение не имело принципиального значения. Не случайно уничтожение национальной интеллигенции в 30-е годы не смогло прервать рост национального самосознания и развитие культуры народов СССР.

Вторая половина XX века отличалась сложными и противоречивыми процессами в межнациональных отношениях и национальной политике СССР. Унитарная стратегия и единая идеология привели в целом к формированию близких по социальной и профессиональной структуре, с общими культурными и ценностными ориентирами народов. Но различия в политико-правовой и традиционной культуре, уровне индустриального развития, демографическом поведении и т.д. сохранялись. Они дали о себе знать сразу после ослабления центральной власти и идеологии.

При всех издержках, ограничениях и даже преступлениях, имевших место в сфере советской этнополитике, это была политика признания и поддержки этнического разнообразия, причем не только в сугубо культурных областях (искусство, литература, наука, образование), но и в социально-экономической и политической сферах. Вместе с тем явное предпочтение по-прежнему отдавалось идеологическим мероприятиям. По мере углубления кризисных явлений в обществе все более обострялись социальные и межэтнические противоречия.

В основе этих событий лежал комплекс экономических, социальных и политических факторов. Одной из причин было и противодействие старых элит новациям Центра, проявились противоречия собственно межэтнического и межконфессионального свойства. Важную роль в развитии национальных процессов и судьбе СССР как многонационального федеративного государства сыграла политизация этнич-

ности, начавшаяся с конца 80-х гг. XX в. и приведшая к распаду единого государства. Она проявилась прежде всего в борьбе руководства союзных республик, а затем и автономий, за расширение их самостоятельности, в том числе предоставление прав субъектов международных отношений.

Таковы основные вехи и озвученные в советское время достижения национальной политики. Однако в этой сфере имелись и серьезные недостатки:

- основная тяжесть ликвидации фактического неравенства народов СССР легла на РСФСР, что явилось одним из факторов необходимости доминирования административных методов управления народным хозяйством и привело к постепенному скатыванию экономики страны к «застою»;
- под развитием культуры «социалистической по содержанию и национальной по форме» в значительной мере шло вытеснение традиционной культуры и религиозных верований народов страны. Это привело к отторжению населением многих проводимых в этой сфере мероприятий, к их формализации и бюрократизации;
- вывод о том, что в условиях развитого социализма и сформировавшейся новой исторической общности — советский народ — национальный вопрос решен «полностью и окончательно», предполагал принципиальную бесконфликтность в данной сфере. Поэтому разработки фундаментальных и прикладных проблем национальных отношений представлялись ненужными, второстепенными. В результате к обострению межнациональных отношений, к межэтническим конфликтам периода «перестройки» и суверенизации республик страна оказалась не готовой;
- поиск новых форм государственного устройства народов СССР, их совершенствование в соответствии с уровнем развития народов страны в целом, с середины 1930-х годов был прекращен. Накопившиеся в результате противоречия между формой национальной государственности и ее содержанием привели в условиях «перестройки», гласности и демократизации общества буквально к «взрыву» — параду суверенитетов и распаду СССР;
- непоправимый удар был нанесен национальной политике тотальной депортацией целых народов, необоснованно объявленных «врагами и предателя-

ми». С 1920-х годов и по 1944 год по национальному признаку подверглись репрессиям балкарцы, греки, ингуши, калмыки, карачаевцы, корейцы, курды, крымские татары, месхетинские турки, немцы, чеченцы и другие народы.

Несмотря на указанные выше, а также многие другие недостатки, ошибки, трагические страницы, национальная политика того времени дала в целом огромные положительные результаты. Удалось сделать колоссальный шаг вперед, в сторону сближения, сотрудничества и дружбы народов СССР. Совместные героические усилия народов СССР, окрепшие на принципах дружбы и братства, спасли человечество от фашизма. К кануну вторжения фашистской Германии СССР завоевал экономическую независимость, позволявшую обеспечить производство в стране за счет своих собственных ресурсов. В послевоенный период СССР являлся ведущей державой, без которой не мог решаться ни один важнейший вопрос мирового развития. Не случайно на референдуме 17 марта 1991 г. за сохранение СССР высказалось 112 миллионов человек, то есть 78% голосовавших.

5.3. Отдельные характеристики национальной политики современной России

Современная Российская Федерация, провозгласив в 1991 г. полный суверенитет, не имела четкой национальной политики. Начало данной политике положили Федеративный договор 1992 г. и Конституция Российской Федерации 1993 г. Основным законом страны выделил в качестве важнейших принципов в национальной политике: равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его национальной принадлежности, языка, культуры; запрещение любых форм ограничения прав гражданина по национальному признаку, а также действий, направленных на разжигание национальной розни; признание равноправия и самоопределения народов при безусловном сохранении исторически сложившегося единства Российской Федерации; гарантии прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов; предоставление права каждому лицу свободного определять свою национальную принадлежность; содействие со стороны государства развитию национальных культур и языков; защиту прав граждан России, этнических россиян в различных странах. В итоге было сформулировано новое видение развития межнациональных отношений.

Решение национального вопроса предусматривалось через национально-культурную автономию, которая отрывалась от территории. Этим отрывалось от территориального аспекта и решение националь-

ного вопроса. Все нации и этнические группы Российской Федерации объявлялись коренными и государствообразующими. Данный тезис, впервые прозвучавший в Концепции национальной политики, особенно актуален. Он направлен на консолидацию народов и упрочение федеративного государства в целом.

По-новому трактовалась и такая сложная и весьма конфликтная по своей сути проблема, как национальное самоопределение народов. Ни в Конституции Российской Федерации, ни в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года не фиксируется право на самоопределение народов в виде отделения. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года признает существование республик в составе Российской Федерации важнейшей формой внутреннего территориального самоопределения и развития федерализма, а взаимоотношения с федеральным Центром и другими субъектами Федерации — приоритетными задачами государственной национальной политики.

На формирование современной национальной политики и сущность государственного строительства РФ оказывают влияние ряд факторов — геополитический, этнополитический, общественно-политический, социально-экономический, этнокультурный, конфессиональный и другие. При этом Россия учитывает и мировой опыт. Многие государства мира многонациональны (в мире 28 федеративных государств, в которых проживает до 40% населения планеты). Мировое сообщество на первый план выдвигает задачи защиты этнических меньшинств, включающие гражданские, культурные аспекты, права на изучение и использование родного языка и т.д. В соответствии с этим в современной национальной политике Российской Федерации происходит постепенное смещение акцентов — от национально-территориальных к культурно-образовательным и культурно-просветительным. Определяя сущность современной национальной политики России, можно выделить важнейшие цели данной политики: совершенствование деятельности органов власти и управления всех уровней по реализации интересов и потребностей граждан всех национальностей; создание условий для социально-экономического и культурного развития и сотрудничества народов; предотвращение и мирное разрешение межнациональных конфликтов; признание для российского государства объединяющей роли русского народа, его языка и культуры; поддержка соотечественников, проживающих за пределами Российской Федерации; формирование культуры межнационального общения и толерантности во имя достижения мира и согласия в обществе и др. Решение таких задач поможет сформировать системный подход к межнациональным отношениям, разработать сценарии их стабильного развития и мероприятия по сохранению многонациональной цивилизации России.

Характеризуя современную Россию, можно отметить, что она сохранила себя как многонациональное, многоконфессиональное государство, включившее в свой состав почти 180 народов и этнических групп. Ее национальная политика направлена на сохранение единства и дальнейшее развитие этих народов в составе единого государства, независимо от их государственных, социально-экономических, духовно-нравственных и иных особенностей.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ

1. Почему мы вправе говорить о России как о многонациональном государстве? Подтвердите это историческими фактами.
2. Каким образом выстраивались отношения с населением инонациональных окраин государства в различные исторические периоды?
3. Что представлял собой процесс инкорпорирования инонациональных элит в состав российского дворянства?
4. Каким образом были связаны между собой общий политический курс и отношение государства к национальным меньшинствам в императорской России?
5. Какую роль национальный вопрос сыграл в революционных событиях начала XX века?
6. В чем были достоинства и недостатки национальной политики в СССР?
7. Какую роль национальный/этнополитический фактор сыграл в распаде Советского союза?
8. Изучите Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666) и рассмотрите цели, принципы, приоритетные направления, задачи и механизмы реализации государственной национальной политики Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даудов А.Х. Из истории национального вопроса // Мы вместе: Журнал Санкт-Петербургского Дома национальностей. 2012. № 2.
2. Даудов А.Х. Сущность и особенности национальной политики России: история и современность // Тру-

- ды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб.: 2013.
3. Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России и современность) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 225. М.: ИЭА РАН, 2011.
 4. Кулешов С. В., Аманжолова Д. А., Волобуев О. В. и др. Национальная политика России: история и современность. М.: Русский мир, 1997.
 5. Наумова Н.И. (сост.) Национальная политика в России: история и современность. М.: Русский мир, 1997.
 6. Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. М.: ИСПИ РАН, 2003.
 7. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления / отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998.
 8. Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законоотворчества. М.: Русский мир, 1999.
 9. Перегудов С.П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Политические исследования. 2012. № 3.
 10. Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия / отв. ред. В. В. Трепавлов. М.: Наука, 2003.
 11. Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М.: Русский мир, 2002.
 12. Русский народ в национальной политике XX века. М.: Русский мир, 1998.
 13. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666.
 14. Трепавлов В.В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. Т. 2.

ТЕМА 6. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

ПЛАН

- 1. Генотип российской политической культуры.**
- 2. Патернализм в политической культуре России.**

Цель: целью данной лекции можно назвать анализ исторических условий формирования и исторических особенностей политической культуры России.

Термины и понятия: культура, политическая культура, этатистская ориентация политической культуры, государствоцентричность, сакрализация, патернализм, мессианская идея.

6.1. Генотип российской политической культуры

Политическая культура — составная часть общей культуры, совокупный показатель политического опыта, уровня политических знаний и чувств, образцов поведения и функционирования политических субъектов, интегральная характеристика политического образа жизни страны, класса, нации, социальной группы индивидов.

Политическая культура — часть духовной культуры народа и включает те элементы последней, которые связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами. Она оказывает влияние на формы, функционирование и развитие государственных и политических институтов, задает направление политическому процессу, обуславливает политическое поведение широких масс. Под политической культурой понимается система ориентаций и установок относительно политической системы и ее составляющих, а также относительно образцов политического поведения.

Политическая культура выражает движение присущих народу традиций в сфере государственной власти, их воплощение и развитие в современном контексте, влияние на условия формирования политики будущего. Выражая этот «генетический код» народа, его дух в символах и атрибутах государственности (флаге, гербе, гимне), политическая культура по-своему интегрирует общество, обеспечивает в привычных для людей формах стабильность отношений элитарных и неэлитарных слоев общества.

Специфика, обусловленная особенностями исторического развития, позволяет говорить об особом генотипе российской политической культуры.

Еще в Древней Руси культура, являясь традиционной архаичной, приобрела вечевую форму. Ее специфика заключалась в неприятии инноваций, угрожающих установившимся порядку и правилам, в нацеленности на воспроизводство локальных миров, которая вступала в противоречие со стремлением формировать государство. Эта вечевая культура, соответствующий образ жизни оказали огромное влияние на последующую историю, образование государственности.

Географическое расположение России между Европой и Азией оказало серьезное влияние на российское общество. Страна оказалась на месте пересечения двух социокультурных типов: европейского или лично-центрического, ставящего в центр внимания личность, ее свободу, естественные права, и азиатского, или социоцентрического, ориентирующегося на общество, коллектив, государство. При этом взаимодействие этих двух социокультурных типов в российском обществе весьма своеобразно: оно предполагает не просто переплетение, взаимообогащение содержанием обоих типов, но и непрерывную борьбу между ними. Возникающие на этой основе дуализм, двойственность, противоречивость и конфликтность политической культуры наиболее рельефно находят свое отражение и по сегодняшний день в противоборстве «западников» и «почвенников», западной модели развития и модели самобытного пути России.

Специфику роли и места России определяло также огромное геополитическое пространство, на котором сосуществовали народы с различными типами культур. В этих условиях сформировалась ярко выраженная этатистская ориентация политической культуры. Без сильного государства добиться международного признания было невозможно, поэтому большевистская власть сделала все возможное для этатистской направленности советской политической культуры. В постсоветское время этатистская традиция была ослаблена, однако она вскоре возобновилась вместе с усилением роли федерального центра, что явилось причиной усиления вертикали власти.

Государствоцентричность оборачивается сакрализацией верховной власти, т.е. стойким ее восприятием как санкционированной вне-

человеческими силами. Неизменным атрибутом образа лидера в массовом сознании выступает не способность согласовывать позиции и достигать компромисса, а умение навязывать свою волю. Лидер предстает главным объектом патерналистских ожиданий, чему способствует живучая историческая память об «отцах-благодетелях», черпаемая из российской политической традиции. В результате сложилось убеждение, что только от государя, его ума и просвещенности зависит благосостояние страны. Так сформировалась вера в высшую царскую справедливость, ставшая характерной для политической культуры России.

История российского государства тесно связана с православием. Православная церковь выступала духовной опорой русского государства, противостояла мусульманскому Востоку и католическому Западу. Православная вера сыграла важную роль в формировании идей о величии России, ее масштабности, патриотизме и преданности отечеству, особом пути России, ставшие важнейшими компонентами политического сознания россиян. Церковь возвела в ранг святых выдающихся деятелей, которые в строгом смысле не являлись ее служителями (княгиня Ольга, князь Владимир, Александр Невский, Дмитрий Донской и другие).

Являясь последовательницей византийской цивилизации, Россия восприняла от нее не только религию, но и культуру, прежде всего имперскую идею, реализация которой привела к превращению страны в многоэтничную, разноразноязычную империю. Удержать целостность такой огромной империи можно было только с помощью деспотической власти, сильного централизованного государства. Понимание данного обстоятельства подводило к осознанию необходимости подчинения власти и государству. При этом власть терпели, не принимая сердцем, что отражалось в негативном отношении населения к ее представителям, особенно к чиновникам. Тем не менее, всегда и особенно после развала СССР мощное централизованное государство в сознании многих людей воспринималось и воспринимается как основное историческое достижение русского народа и его союзников.

Из Восточно-Римской империи массовым сознанием был воспринят и своеобразный космополитизм – надэтничный, наднациональный характер как самой политической власти, так и государственности, что проявилось в интернациональной политике советского государства и в отсутствии потребности в формировании русского национального государства.

Мессианская направленность российской политической культуры проявилась на рубеже XV–XVI вв. в провозглашении Москвы Третьим Римом, а также с приходом к власти в 1917 г. большевиков с мессианской целью – распространить на весь мир идеи коммунизма.

Раскол в политической культуре часто приводил к взаимному насилию, к столкновению противоположных идеалов вплоть до гражданской войны, стимулировал стремление подавить противоположный культурный потенциал силой оружия. Такие столкновения продолжались на протяжении всей истории страны (насилие, связанное с принятием христианства, массовый террор в XX веке). Высшая власть пыталась неоднократно отойти от прямого насилия, однако все время возвращалась к нему, что свидетельствует о неспособности власти решать усложняющиеся проблемы.

При Петре I сформировалось в качестве общегосударственной ценности представление об «общем благе», что нашло воплощение в форме утилитаризма, признающим пользу или выгоду критерием нравственности. Человек начинает отходить от ценностей традиционализма и искать принципиальные решения за его рамками, осознавать себя субъектом, способным влиять на реализацию целей. В результате появился реформаторский импульс, направленный на преодоление отсталости страны, реализуемый через повышение уровня образования и культуры, использовании элементов западного потенциала. Однако, выяснилось, что новым эффективным средством саморазвития обществу необходимо научиться пользоваться, иначе оно становится средством разрушения, о чем свидетельствовало как постпетровское правление, так и царствование некоторых государей в XIX веке.

На российскую политическую культуру XX века решающее влияние оказал Ленин. Для становления советского государства Ленин разработал коммунистическую теорию, создал партию нового типа, привел ее к власти, заложил основы советской системы — «однопартийную демократию» и полностью управляемую государством экономику.

Русский человек, будучи, в сущности, человеком государственным, вместе с тем боялся государства, избегал иметь дело с властями, не доверял государственным учреждениям. Отсюда конфликтность государственного сознания русского человека, с одной стороны, и неприятие власти — с другой. Эта особенность приобрела свои крайние формы в советский период.

Всю политическую историю России можно представить как картину постоянного противоборства либеральных и патриархально-традиционных ценностей: с одной стороны — частная инициатива, жажда самоутверждения индивида в соревновании с равными себе, свобода собственности и трудолюбие, максимальное ограничение роли государства в обществе; с другой — соборность, общинность, коллективизм, при одновременной склонности к авторитаризму, сильному лидеру харизматического типа, сильное государство. Развитие торговли, товарно-денежных отношений, частной инициативы, час-

тной собственности, не будучи дополнено массовым распространением соответствующих ценностей, порождало и накапливало в обществе скрытое ощущение неудовлетворенности, усиливало массовое негативное отношение к подобным переменам. Начиная с реформ Петра I и по сегодняшний день политическая история России напоминает «зебру» — либеральная тенденция, не успев закрепиться в результате усилий очередных реформаторов, сменяется возвратом к традиционным массовым ценностям. В структуре ценностных отношений политической культуры выделяют общекультурные ориентации, отношения к власти, политическим явлениям.

Характер и направленность общекультурных ориентаций раскрывает место политических явлений в структуре ценностей личности, группы, общества. Значение мировоззренческих ориентаций состоит в том, насколько выбор политических позиций человека зависит от испытываемых им предпочтений к индивидуальным или коллективным ценностям. Так, история России показывает в отличие от государств Запада, испытавших на себе воздействие капитализма, что жители нашей страны веками ориентировались главным образом на нормы общинного коллективизма. Он воплощал в себе приоритет интересов семьи, общины, сословия, коллектива, класса, государства, общества перед целями и ценностями отдельной личности, потребностями индивида.

Обобщенным показателем является выдвигание на первый план идеала не свободы, а равенства. Эта традиция в советском обществе получила дополнительный импульс со стороны тотального контроля государства над личностью и коллективистских начал, утверждаемых советской властью в общественной жизни.

6.2. Патернализм в политической культуре России

Важнейшей чертой российской политической культуры является патернализм. В современной трактовке патернализм понимается как доктрина и деятельность с позиций «отеческой заботы» по отношению к слоям и группам, менее защищенным в социальном и экономическом отношениях.

Корни патерналистской традиции в русской культуре, в том числе и политической, находятся в историческом прошлом. Основой традиционной культуры важнейшей социальной ячейкой аграрного общества была патриархальная семья. Общая численность такой семьи могла насчитывать несколько десятков человек. Авторитет главы семьи был непререкаем.

Существование большой семьи долгое время было экономической необходимостью, обусловленной климатом средней полосы России, где короткое лето нередко заставляло почти одновременно проводить разные полевые работы. Трудовой ритм способствовал выработке мобилизационных форм общежития, для которых наиболее адекватной чертой властных отношений в семье был авторитаризм.

Имущественные отношения, оставлявшие за главой семьи полное право распоряжаться всеми средствами крестьянского двора, налагали на него большую ответственность и требовали выполнения ряда функций в общественной, хозяйственно-бытовой и морально-психологической сферах.

В общественной сфере он представлял семейные интересы в контактах с внешним миром: общиной, соседями, старостой, баринном. В хозяйственно-бытовой сфере — управлял собственностью, давал задания и контролировал их исполнение. За ним закреплялись функции поощрения и наказания, контроля за соблюдением нравственных норм. Фактически речь идет о властных отношениях авторитарного типа в первичной ячейке общества.

Сосредоточение командных функций за авторитетом, в данном случае за главой патриархальной семьи, оставляет всем домочадцам только функции исполнения. В такой ситуации человек не испытывает потребности чувствовать себя личностью, он перекладывает ответственность за свою судьбу на семью, государство, власть, он уходит от индивидуальной ответственности, а значит и от свободы.

Глава семьи был вправе распоряжаться жизнью домочадцев по своему усмотрению, а они должны были принять любое решение как неизбежность, поскольку такое поведение гарантировало выживание семьи как целостности.

Обусловленные природно-климатическими условиями патерналистские черты закрепились в русской крестьянской культуре. Православие освятило эти отношения авторитетом церкви. Таким образом, патернализм стал аксиомой, культурным архетипом, закрепленным в российской ментальности и политической культуре.

На эту типологическую черту российского общества было обращено внимание исторической мысли еще в XIX в., начиная с известного утверждения Н. Карамзина о том, что в России самодержавное правление есть отеческое правление.

Традиции, сохранившиеся в народной, крестьянской культуре, были также свойственны культуре образованной элиты российского общества. Либерализм европейского типа, распространившийся после буржуазно-демократических революций, стал трансформироваться под натиском обстоятельств внутреннего и внешнего порядка.

Победа России в войне с Наполеоном укрепила национальную гордость, консолидировала общество и выступила стимулом в поис-

ках своего пути развития. Создавая индустриальное общество, т. е. продвигаясь в русле общемировой тенденции развития, Россия одновременно усиливала свою ориентацию на традиционные культурные ценности.

Патернализм, как поведенческий стереотип, пронизывал политическую культуру образованного общества. Естественно, что его проявления обозначались понятиями, адекватными времени. Наиболее распространенными словами, отражавшими разные стороны патернализма, были попечение и покровительство, а также производные от них. Патернализм, как базисное основание, в Российской империи реализовывался в следующих категориях: заботливость, надзор, поощрение, защита, благотворение, вспомоществование, пожертвование, облегчение, благоснисхождение, дарение.

История советского периода подтверждает устойчивость сформировавшихся патерналистских традиций. Все дети младшего школьного возраста были октябрятами — внучатами Ильича. Четверть века страной управлял «отец народов» — И.В. Сталин. Партийные органы осуществляли функции опеки, надзирая, поощряя и наказывая граждан, руководствуясь нормами морального кодекса строителя коммунизма.

Актуальность проблем патернализма подтверждается и событиями наших дней, когда сложившаяся в постсоветский период ситуация продемонстрировала потребность народа в опеке со стороны государства, в гарантиях социальной помощи и защиты, которые он рассматривает как нечто априорное, как обязательную функцию власти. Патерналистские традиции можно отнести к «коллективному бессознательному», то есть архетипу культуры, усвоенному человеком в процессе социализации, и который управляет его поведением на уровне подсознания.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ

1. Охарактеризуйте генотип российской политической культуры.
2. В чем заключается сущность этатистской политической культуры?
3. Чем отличается личностно-центрический от социоцентрического социокультурного типа?
4. Какое влияние оказало православие на формирование политической культуры?
5. Кто оказал решающее влияние на формирование политической культуры в XX веке?

6. Каковы причины появления российского патернализма?
7. Как проявляется патернализм в современной политической культуре?
8. Охарактеризуйте тоталитарный и демократический типы политической культуры.
9. Какие типы политической культуры доминируют в современной России?
10. Какие процессы оказывают влияние на развитие политической культуры современного российского общества?
11. Назовите характерные черты политической культуры современной России.
12. Что означает в современное время антиэтатизм для российской политической культуры?
13. Возможно ли формирование в современной России гражданской политической культуры?

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // ProetContra. 2002. №3.
2. Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму *civicculture* // ProetContra. 2002. №3.
3. Баранов Н.А. Политическая культура России: традиции и современность // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Т. 208. Социология культуры: опыт и новые парадигмы. Ч. 2. СПб.: 2015. С. 203–213.
4. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности // Судьба России: Сочинения. М.: 2000.
5. Воронцова Л.М., Филатов С.Б., Фурман Д.Е. Религия и политика в современном массовом сознании // Религия и политика в посткоммунистической России / Отв. ред. Л.Н.Митрохин. М.: Издательство Института философии РАН, 1994.
6. Ермоленко Т.Ф. Патернализм в политической культуре России // Российская историческая политоло-

- логия. Курс лекций: Учебное пособие / отв. ред. С.А.Кислицын. Ростов н/Д.: 1998.
7. Жаров С.Н. Цивилизация и культура в исторических судьбах Запада и России // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. 1999. № 1.
 8. Петро Н. О концепции политической культуры, или основная ошибка советологии // Политические исследования. 1998. №1.
 9. Пивоваров Ю.С. Русская политическая культура и politicalculture (Общество, власть, Ленин) // ProetContra. 2002. №3.
 10. Разуваев В. Народный смех в советской политической культуре 60–80-х годов // Независимая газета. 2000. 7 ноября.
 11. Такер Р. Политическая культура и лидерство в Советской России. От Ленина до Горбачева (главы из книги) // США: экономика, политика, идеология. 1990. №№ 1, 2, 6, 9.

Тема 7. ПОЛИТИКА ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ПЛАН

1. **Политика памяти: понятие и сущностные характеристики.**
2. **Массовое историческое сознание в России: ценности, ориентиры, представления.**
3. **Риски государственной политики памяти в России.**

Цель: целью данной является раскрытие понятия «политика памяти», анализ состояния политики памяти в современной России и рисков в этой сфере.

Термины и понятия: исторический факт, интерпретация истории, идеология, политика памяти, историческая политика, символическая политика, историческая память, коллективная память, легитимация, идентичность, политика идентичности, войны памяти, коммеморация, коммеморативное пространство, коммеморативные практики.

7.1. Политика памяти: понятие и сущностные характеристики

Вопрос отношения к прошлому и его интерпретации занимает важное место в политике любого государства. С помощью трактовки тех или иных исторических фактов она решает актуальные политические задачи, основные из которых — легитимация правящих режимов и формирование идентичностей с заранее заданными политическими параметрами.

Проблемы формирования и реализации в современной России государственной политики памяти как отдельного направления государственной политики, сопоставимого по своим масштабам с молодежной,

национальной, культурной и образовательной сферами государственной политики, привлекают все большее внимание, как представителей власти, так и представителей науки и общественности. Усилия государственной власти по консолидации общества в России в последние годы актуализируют поиски новых образов национальной идентичности, в которой историческая память продолжает оставаться одним из важнейших символических ресурсов. Нарастание международной напряженности оборачивается усилением, прежде всего, мемориальных войн, публичными высказываниями политиков относительно острых моментов прошлого, использованием крупных исторических праздников как средств поиска идеологического и политического консенсуса или размежевания. Это становится особенно заметно на фоне празднования Победы в Великой Отечественной войне. В этой ситуации речь все чаще идет о формировании единой и последовательной государственной политики памяти и ее региональных элементов.

Анализ тех принципов и потенциальных рисков, которые должны быть учтены в процессе формирования в России государственной политики памяти, должны учитывать состояние и особенности массового исторического сознания. Речь идет о тех тенденциях, которые характеризуют метаморфозы исторической памяти и исторического сознания наших соотечественников в постсоветский период.

Постараемся определить для себя исходное определение политики памяти и ее отличия от близких по значению понятий «историческая политика», «политическое присвоение прошлого», «мемориальная политика». Так, А. Дюков предлагает понимать под исторической политикой поиск оснований для предъявления политических или экономических претензий, где значимыми инструментами оказываются вымышленные факты, «замалчивание» фактов, сознательная подтасовка интерпретации исторических событий.

Исследователь Д.А. Аникин полагает, что термин «политика памяти» является более удачным для научного дискурса и дает ему следующее определение «политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик». Термины «политическое присвоение прошлого» или «мемориальная политика» в большинстве работ выступают как аналогичные то исторической политике, то политике памяти. Соответственно, государственная политика памяти представляет собой такую форму политики памяти, в рамках которой ведущим (но не единственным!) актором выступает государство в целом или система его институтов, ответственных за соответствующую реализацию политики памяти. Кратко резюмируя современное состояние зарубежных исследований политики памяти, выделим ряд особенностей,

вне которых вряд ли возможно формирование и реализация какой-либо политики памяти (в том числе и со стороны государства).

Во-первых, для большинства исследователей некоей общей методологической парадигмой выступает конструктивистский подход, актуализирующий идеи о множественности акторов коммеморативного пространства и их политик памяти, о ситуативном характере политик памяти, множестве идентичностей.

Во-вторых, конструктивистская методология способствует распространению вопросов изучения динамики политики памяти как значимого предмета анализа. Одним из наиболее известных вариантов такого подхода к социальной памяти является методология анализа памяти Дж. Олика, который предлагает рассматривать коллективную память не как устоявшийся теоретический конструкт, а как некую совокупность различных социальных форм, пространств и практик — от обычных воспоминаний до общих форм поддержания образца. Память для него — это социальная деятельность, процесс, а не статичный объект. При этом динамический характер политики памяти трактуется также и в контексте обоснования динамичности иерархии смысловых ориентиров политики памяти сегодня, и зависимости этой динамики от социальных контекстов.

В-третьих, интересным объектом изучения стала идея об активном сопротивлении массового исторического сознания и его практик памяти официальным стратегиям политики памяти.

В-четвертых, проблемы политики памяти значительным числом авторов рассматриваются в контексте практик построения имперской и иных вариантов политической мифологии. Мифологизация прошлого рассматривается сегодня как один из важнейших инструментов политики памяти.

Наконец, в-пятых, авторы пишут о сложных процессах взаимодействия политических и символических границ, и как следствие образование пограничных зон исторической памяти, где влияние цивилизационных фронтиров оказывается доминирующим и порождает новые пространства исторических смыслов, основанных либо на идее диалога, либо конфликта и противостояния.

Все это не столько объясняет, сколько делает формирование государственной политики памяти проблематичным. Впрочем, вопрос может быть переформулирован в проблему того, как возможно формирование децентрализованной, плюралистической и неэтноцентричной государственной политики памяти, обладающей подвижной структурой смысловых ориентиров и учитывающей вызовы и риски современности. Все это, однако, только пожелания, а не предложения, возможность которых может быть представлена лишь в контексте конкретных контекстов формирования государственной политики памяти.

7.2. Массовое историческое сознание в России: ценности, ориентиры, представления

Обилие эмпирических данных позволяет сегодня достаточно комплексно оценить состояние массового исторического сознания в современной России. Ведь именно ценности простых людей в первую очередь формируют то коммеморативное пространство, которое, подчас, может оказывать сопротивление официальным версиям исторической памяти и академической исторической науке. Впрочем, как показывает опыт Федеративной Республики Германии — массовое историческое сознание может выступать и проводником позитивных перемен в исторической памяти, открывать ее пространство новым интерпретациям и смыслам. Что же в этой связи можно сказать о состоянии массового исторического сознания в современной России?

Многолетние опросы ВЦИОМ дают основания исследователям утверждать о существенном росте неоконсервативных представлений простых россиян, что находит выражение в таких явлениях как усилившийся в последние десять лет общественном запросе на сильную власть, ориентация населения на идеалы социальной справедливости, воплощенные в определенной ностальгии по советской эпохе в оценках всех поколений (и прежде всего эпохам Брежнева и Сталина), более острое восприятие противоречий между богатыми и бедными, чем противоречий между поколениями, общественный запрос на активную внешнюю политику, определенный «православный ренессанс». Утверждается, что «несмотря на явные ценностные перемены, наше общество остается похоже на общество 90-х в главном: оно глубоко антимобилизационно... оказалось, что мобилизационная компонента россиян направлена практически исключительно на сферу локальных интересов».

Социологические опросы, проводившиеся в нашей стране с 1989 по 2010 годы, показывают средний уровень исторических знаний населения. Более того, базовые исторические знания в основном представлены политической историей и биографиями известных государственных деятелей и военачальников. Исторические интересы современных россиян, как и советских граждан в конце 80-х гг., во многом направлены на эпохи Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II, Великой Отечественной войны. Другим значимым интересом россиян продолжает оставаться семейное прошлое, причем данная тенденция практически также не изменяется с поздних советских времен. В этой ситуации именно память о Великой Отечественной войне, как отмечает Ж.Т. Тощенко «стала фактически единственной позитивной опорной точкой национального самосознания нынешнего российского общества». Подводя итоги социологических исследований 80–90 гг. отечественный

исследователь пишет: «исследования Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ), охватившего по репрезентативной выборке все население России, показали, что в 1989 г. самым выдающимся событием XX в. Великую Отечественную войну (Вторую мировую войну) назвали 77%, в 1994 г. — 73% опрошенных. В других, в том числе и региональных исследованиях, феномен Великой Отечественной войны также высоко оценивается исторической памятью<...> О том, что это событие стало символом для всего народа, всех его слоев и групп, свидетельствует тот факт, что значимость этой войны для истории народа отметили 70% юношей и девушек в возрасте до 25 лет и 82% людей старше 50 лет. А это означает, что опыт в оценке старшего поколения трансформировался и приобрел символическую значимость и для последующих поколений». Он полагает, что историческая преемственность Российской Федерации и СССР как раз и осуществляется через осознание значения Великой Отечественной войны.

Как отмечает исследователь Д.А. Аникин, общая тенденция современной российской мемориальной культуры состоит в постепенной девальвации исторических смыслов и, соответственно, уходу в партикулярные версии исторической памяти (семья, локальная социальная группа). По его мысли, возникновение «Бессмертного полка» служит отчетливым проявлением данной тенденции. Он отмечает, что серьезной проблемой остается поляризация массового исторического сознания, отсутствие точек консенсуса между различными слоями и поколенческими группами российского социума, при которой даже День Победы перестает быть образом народного единства, становясь очередным символом размытости мировоззренческих границ.

Все это указывает на известные сложности формирования государственной политики памяти в России, что, однако, не должно рассматриваться в пессимистической перспективе.

7.3. Риски государственной политики памяти в России

Современные и общемировые тенденции трансформации исторической памяти выступают источником целого ряда рисков, которые в скрытой или явной форме не позволяют выстроить монолитное здание государственной политики памяти в Российской Федерации. Поскольку государственная политика — это всегда определенная целенаправленная деятельность, то и краткую характеристику рисков имеет смысл развернуть, выделяя риски субъекта политики памяти, объекта политики памяти, а также риски методов политики памяти.

Поскольку ключевым субъектом политики памяти выступает государство, а в российских условиях, по преимуществу государство, то анализ ключевых рисков субъекта государственной политики памяти в России надо начать с рисков государства как базового института памяти вообще. Вместе с тем, всю группу рисков государства как субъекта политики памяти целесообразно представить в рамках групп внешнеполитических и внутривнутриполитических рисков.

К внешнеполитическим рисками формирования в России государственной политики памяти в первую очередь следовало бы отнести трансформации глобальных социальных процессов и, в первую очередь, разрушение привычных политических и, как следствие, символических границ. Другим источником рисков выступает агрессивная по отношению к России политика памяти некоторых восточноевропейских государств, являвшихся участниками советского военного блока или бывших советских республик. Еще одним риском, актуализированным в последние годы, становится противостояние Западного мира и России, порождающее новые мемориальные войны и радикализирующее отдельные символы и участки исторической памяти. К этой группе рисков примыкает противоречивый статус государства вообще как базового социального института в современном глобализирующемся мире. Отдельной темой продолжает оставаться усиление миграционных процессов и расширение полиэтнического пространства, в котором традиционные маркеры политики памяти будут неэффективны или менее эффективны.

Говоря о внутривнутриполитических рисках для формирующейся политики памяти в России можно указать на отсутствие постоянно действующей системной политики памяти. В настоящее время можно говорить о реализующейся в зависимости от ситуации (политический повод, юбилей) политике памяти российского государства. Еще одним риском в России является состояние государственного аппарата и институтов государственной власти, призванных осуществлять определенную целенаправленную политику памяти. Речь идет об инертности государственного аппарата, противоречивом состоянии ценностей государственных служащих. Риск в данном случае связан с противоречиями реализации политики памяти, слабо интегрированной в современную молодежную, культурную и образовательную политики. Еще одной трудностью является сохраняющийся высокий уровень этноцентризма отдельных регионов в явной или скрытой форме реализующих свою региональную политику памяти.

Еще интереснее выглядят риски, связанные с объектом возможной государственной политики памяти в России. В данном случае укажем на уже отмеченный нами выше рост неоконсервативных настроений, усиление ностальгических тенденций, снижение общего уровня исторических знаний. Инертность и консерватизм российского обще-

ства в данном случае способны блокировать рефлексивное историческое сознание, всегда взаимосвязанное с потребностью к критическому переосмыслению прошлого. Еще одним риском является усиление неоднородности населения России, иммиграционные и эмиграционные процессы. Если политика памяти — это определенная целенаправленная деятельность, то в данном случае возникает вопрос — кто будет, выражаясь языком рекламной индустрии, ее целевой аудиторией. Формирование новых социальных групп, рост этноцентризма отдельных социальных общностей существенно затрудняют реализацию целостных версий государственной политики памяти. Однако даже если мы будем рассматривать историческую память основной массы российского населения как важнейшей целевой группы, то и здесь, необходимо помнить о феномене сопротивления народной исторической памяти официальным проектам коммемораций. В данном случае речь должна идти о понимании тех границ институционализации, которые очерчивают эффективность любой модели государственной политики памяти.

Наконец, отдельной группой рисков могут считать риски, вытекающие из методов и предполагаемого инструментария государственной политики памяти. Ключевой проблемой в данном случае является вопрос об отсутствии в текущей государственной политике каких-либо устойчивых ценностных ориентиров. Может быть, речь и не должна идти о «национальной идее» или «русской идее», но без системы устойчивых ориентиров разработка соответствующего инструментария политика памяти вряд ли будет «целенаправленной» и успешной. Важным источником рисков также являются проблемы взаимодействия государства как субъекта политики памяти с другими акторами коммеморативного пространства (например, независимыми медиа, корпорациями, общественно-политическими движениями, оппозиционными партиями). Вопрос в данном случае состоит в выстраивании диалога между государственной политикой памяти и другими версиями памяти. Отдельное значение здесь приобретает взаимоотношение государства и его политики памяти с научным сообществом в деле поиска совместных ответов на «трудные вопросы» исторической науки, в особенности — отечественной истории.

Таким образом, представленный краткий анализ актуальных проблем и рисков, стоящих перед государственной политикой памяти в России свидетельствует о сложности данной проблемы и низкой перспективности использования традиционных для нашей страны методов формирования государственной политики памяти. Определенную устойчивость смысловому содержанию современной политики памяти в России придает принятие историко-культурного стандарта. Вывод, который можно сделать на основании всего вышеизложенного — современному российскому государству нужно четкое понимание необходимости взвешенной, интегрирующей и непротиворечивой политики

памяти, выработка содержательных ориентиров и наличие стратегии реализации политики памяти, привлечение к реализации политики памяти институтов и акторов образовательной, культурной, молодежной и других сфер политики на общегосударственном и региональном уровнях.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ

1. Почему история, историческая память о значимых событиях может иметь как интегрирующий, так и дезинтегрирующий потенциал?
2. Что такое «политика памяти»?
3. Почему современное государство не может полноценно функционировать без системной и планомерной работы с историческим прошлым?
4. Какие события последних лет и десятилетий вызвали повышение интереса к историческому прошлому, активизацию политики памяти?
5. Какие именно сюжеты исторического прошлого привлекают наибольшее внимание политиков, вызывают наибольший общественный резонанс?
6. Как можно охарактеризовать политику памяти в современной России?
7. С какими рисками сопряжена современная политика памяти в России?
8. Как вы оцениваете принятие историко-культурного стандарта как одного из мероприятий в рамках политики памяти?
9. Оцените роль школьного учебника истории как одного из инструментов политики памяти.
10. Разработайте свои предложения по формированию политики памяти для вашего населенного пункта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин Д.А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия. 2012. № 3 (18).
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014.

3. Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2010.
4. Беляев Е.В., Линченко А.А. Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия // *Studia Humanitatis*. 2016. № 2
5. Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М.: АИРО-XXI, 2011.
6. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011.
7. Герман Р.Э. История как средство создания нации: анализ этноконструктивистских теорий // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 7. Ч. 1.
8. Герман Р.Э. Историческое прошлое в структуре политического мифа: анализ теоретического наследия // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 11. Ч. 2.
9. Дюков А. Историческая политика или политическая память // *Международная жизнь*. 2010. № 1.
10. Историческая политика в XXI веке: сборник статей / Под редакцией: А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
11. Кацва Л. Советский Союз в школьных учебниках истории XXI века // *Прошлый век. Альманах*. М.: ИНИОН РАН, 2013.
12. Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2012. Т. 8. № 4.
13. Малинова О. Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. 2013. № 1.
14. Малинова О. Ю. Великая Отечественная война как символический ресурс: эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010-х гг. // *Россия и современный мир*. 2015. № 2(87).

15. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
16. Малинова О. Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6.
17. Миллер А. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. №4.
18. Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1999.
19. Национальные истории на постсоветском пространстве – II. / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009.
20. Овчинников А.В. Учебники истории: конструирование исторических смыслов в условиях политического противостояния // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем. Сборник статей и тезисов докладов международной научной конференции. Липецк 24–26 сентября 2015 г. Тамбов, Издательство Першина Р.В., 2015.
21. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: НЛО, 2005.
22. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4.

ЭССЕ ПО КУРСУ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ»

Методические рекомендации по написанию эссе

В качестве итоговой работы по курсу «Политическая история России» обучающимся предлагается написать эссе по одной из тем, приведенных ниже. Несмотря на то, что некоторые высказывания касаются сущности истории как таковой, обучающийся должен раскрыть тему применительно к истории России. Выбрав высказывание, студент должен выделить ключевую проблему, которую это высказывание иллюстрирует, и написать эссе по выявленной проблематике.

Эссе в переводе с французского обозначает «попытка», «проба», «очерк». Родоначальником жанра считается французский философ Мишель Монтень. Это сочинение-рассуждение небольшого объема со свободной композицией, выражающее индивидуальные впечатления, соображения по конкретному вопросу, проблеме и заведомо не претендующее на полноту и исчерпывающую трактовку предмета. Краткий словарь литературоведческих терминов трактует эссе как «разновидность очерка, в котором главную роль играет не воспроизведение факта, а изображение впечатлений, раздумий, ассоциаций». Сочинение в жанре эссе требует от автора не только умения продемонстрировать «сумму знаний», но и сделать акцент на собственных чувствах, переживаниях, отношении к тому, о чем он пишет. Словом, автор эссе — это не только рассказчик, но и герой. Для эссе характерны ярко выраженная авторская позиция, искренность, эмоциональность изложения. Жанр дает право на субъективное изложение заявленной проблемы и свободную композицию.

Эссе предполагает выражение автором своей точки зрения, личной субъективной оценки предмета рассуждения, дает возможность

нестандартного (творческого), оригинального освещения материала. Применение эссе на занятиях по историческим дисциплинам способствует более четкому и грамотному формулированию мыслей, помогает располагать мысли в строгой логической последовательности, предполагает свободное владение языком истории и общественных наук, терминами и понятиями, раскрывает глубину и широту учебного материала, учит использовать примеры, цитаты, необходимые аргументы по соответствующей теме.

В структуре эссе выделяют три компонента: вступление, основная идея, заключение. В эссе, как и во всяком произведении, должна прослеживаться внутренняя логика. Она определяется, с одной стороны, авторским подходом к обсуждаемому вопросу, с другой — самим вопросом.

Далее очень важно осуществить поиск материалов, помогающих в написании эссе. Необходимо внимательно прочитать информационные материалы (это может быть текст лекции, статья, группа статей, объединенных одной мыслью или напротив, статьи, авторы которых придерживаются полярных точек зрения), предложенные преподавателем, вдуматься в каждую строчку.

Основное содержание эссе представляет собой углубление анализа, которое невозможно без поиска возражений, формулирования противоположных точек зрения. Здесь нужно особо быть внимательным к вопросу, который сформулировал преподаватель и точно уяснить для себя исходя из типа эссе, какова ваша задача.

Чаще всего, за исключением особо оговоренных случаев, недостаточно согласиться или не согласиться с чьим-нибудь мнением. Нужно постараться увидеть недостаточность этого мнения, продолжить, дополнить его. В согласии или возражении принципиально важно поискать и найти второй и последующие аргументы.

Эссе завершается кратким заключением. В качестве заключения можно обобщить свои мысли или выразить ответ на вопрос: «Что можно сказать о проблеме, поставленной в начале эссе?».

Работе над эссе должна носить творческий характер. Этого возможно достичь посредством:

- а) создания ситуаций переноса, то есть своеобразного описания своей жизни и деятельности в заданном времени и произвольном пространстве (или наоборот);
- б) создания ситуаций морального выбора, когда реализуется нравственная позиция студента;
- в) написания эссе от своего имени или от имени историка, мыслителя, творчество которого вызывает интерес;

- г) написания воображаемых диалогов с известными историками, политиками, государственными деятелями, военачальниками, когда студент сам задает проблемное поле и от имени историка отвечает на поставленный вопрос.

В качестве положительно характеризующих эссе черт следует отметить: умение анализировать, умение показать свои реальные возможности, приветствуется употребление «академического языка». Поощряется критические размышления над прочитанным или услышанным, степень оригинальности мыслей, глубокое погружение в предмет.

При оценивании эссе необходимо выделить следующие элементы:

- 1) представление собственной точки зрения (позиции, отношения) при раскрытии проблемы;
- 2) раскрытие проблемы на теоретическом (в связях и обоснованиях) и конкретно-иллюстративном уровнях, с корректным использованием или без использования исторических и обществоведческих понятий в контексте письменного ответа;
- 3) аргументация своей позиции с опорой на исторические факты или собственный опыт.

В отличие от других методов контроля и проверки знаний, целью эссе является диагностика продуктивной, творческой составляющей познавательной деятельности обучающихся, которая предполагает анализ информации, его интерпретацию, построение рассуждений, сравнение фактов, подходов и альтернатив, формулировку выводов, личную оценку автора и т.п.

Критериями оценки эссе по политологии также могут выступать следующие:

- наличие грамотного, развернутого ответа на поставленный вопрос;
- владение историческими и обществоведческими понятиями и терминами;
- логика построения композиции эссе;
- приведение аргументов, примеров, цитат, использование аналитического и событийно-новостного материала;

- умение самостоятельно мыслить, анализировать информацию, делать выводы и обобщения;
- четко и ярко выражать свою точку зрения, свое личное отношение к проблеме.

Таким образом, использование метода написания эссе при изучении курса «Политическая история России» позволяет проверить знания студента, его способность творчески и аналитически мыслить, делать выводы и доказывать их.

Тематика эссе по курсу «Политическая история России»

1. «Каждый может творить историю, но лишь великие люди способны ее писать» (О. Уайльд).
2. «О светлом будущем заботятся политики, о светлом прошлом — историки, о светлом настоящем — журналисты» (Ж. Петан).
3. «Русская история до Петра Великого сплошная панихида, а после Петра Великого — одно уголовное дело» (Ф. Тютчев).
4. «В истории мы узнаем больше фактов и меньше понимаем смысл явлений» (В. Ключевский).
5. «История — это союз между умершими, живыми и еще не родившимися» (Э. Бёрк).
6. «Страница истории стоит целого тома логики» (О. Холмс).
7. «Человеческая история, лишенная идеи прогресса, представляет лишь бессмысленную смену событий, вечный прилив и отлив случайных явлений, которые не укладываются в рамки общего мировоззрения» (Л. Мечников).
8. «История — это философия, которая учит нас с помощью примеров» (Г. Болингброк).
9. «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» (Дж. Оруэлл).
10. «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение» (А. Бенкендорф).

11. «У каждого века есть свое средневековье» (С.Е. Лец).
12. «Величайшее недоразумение — это вдаваться в мораль, когда дело касается исторических фактов» (Д. Дидро).
13. «История пишется для установления строгой истины» (Плиний Младший).
14. «Превосходные умы суть истинные герои истории» (Н. М. Карамзин).
15. «Кто знает, что первый закон истории— бояться какой бы то ни было лжи, а затем не бояться какой бы то ни было правды?» (М. Т. Цицерон).
16. «Вся наша история — продукт природы того необъятного края, который достался нам в удел. Это она рассеяла нас во всех направлениях и разбросала в пространстве с первых дней нашего существования» (П.Я. Чаадаев).
17. «Наше могущество держит в трепете мир, наша держава занимает пятую часть земного шара, но всем этим, надо сознаться, мы обязаны только энергичной воле наших государей, которой содействовали физические условия страны, обитаемой нами. Обделанные, отлитые, созданные нашими властителями и нашим климатом, только в силу покорности стали мы великим народом. Просмотрите от начала до конца наши летописи, — вы найдете в них на каждой странице глубокое воздействие власти, непрестанное влияние почвы, и почти никогда не встретите проявлений общественной воли» (П.Я. Чаадаев).
18. «Первая задача истории — воздержаться от лжи, вторая — не утаивать правды, третья — не давать никакого повода заподозрить себя в пристрастии или в предвзятой враждебности» (М.Т. Цицерон).
19. «История мира— это биография великих людей» (Т. Карлейль).
20. «Никакой век не в состоянии написать своей собственной истории» (Г. Спенсер).
21. «Газеты — секундные стрелки истории» (А. Шопенгауэр).
22. «Счастлив народ, история которого скучна» (Ш.Л. Монтескье).
23. «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта» (Н. Г. Чернышевский).

24. «Женщины творят историю, хотя история запоминает лишь имена мужчин» (Г. Гейне).
25. «Природа рождает людей, жизнь их хоронит, а история воскрешает, блуждая по их могилам» (В.О. Ключевский).
26. «Никогда не выживет тот народ, который воспринимает трактовку своей истории глазами соседа» (Ф.В. Ницше).
27. «Страна, забывшая свою культуру, историю, традиции и национальных героев — обречена на вымирание» (Л.Н. Толстой).
28. «Да будет мой историк таков: справедливый судья, чужестранец, пока он пишет свой труд, не имеющий родины» (Лукиан Самосатский).
29. «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий» (В. О. Ключевский).
30. «Маленькое тело, обусловленное духом и воодушевленное неугасимой верой в свою миссию, может изменять ход истории» (М. К. Ганди).
31. «Перелистайте историю всех народов земли: везде религия превращает невинность в преступление, а преступление объявляет невинным» (Д. Дидро).
32. «Историческое деяние бывает закончено не тогда, когда оно свершилось, а лишь после того, как оно становится достоянием потомков» (С. Цвейг).
33. «Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира» (Н.А. Бердяев).
34. «Бесконечно трудная задача стояла перед русским народом — задача оформления и организации своей необъятной земли. Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли: та же безграничность, бесформенность, устремлённость в бесконечность, широта» (Н.А. Бердяев).
35. «Русский не тот, кто носит русскую фамилию, а тот, кто любит Россию и считает её своим отечеством» (А.И. Деникин).
36. «Одна лишь сила упрочивает независимость. Только

- в случае готовности к борьбе можно внушить уважение к себе и найти союзников вместо покровителей» (Екатерина II Великая).
37. «Отец мой был чистокровный финн, мать — молдаванка, сам же я родился в Тифлисе, в армянской его части, но крещён в православие... Стало быть, я — природный русак!» (Н.К. Краббе).
38. «Величие, могущество и богатство всего государства состоит в сохранении и размножении русского народа» (М.В. Ломоносов).
39. «Если вам встретится ветеран наполеоновской армии, напомните ему его славное прошлое и спросите, кто среди всех противников, воевавших с ним на полях сражений Европы, был наиболее достоин уважения, кто после отдельных поражений сохранял гордый вид: можно поставить десять против одного, что он назовёт вам русского солдата. Пройдитесь по департаментам Франции, где чужеземное вторжение оставило свой след в 1814 году, и спросите жителей этих провинций, какой солдат в отрядах неприятельских войск постоянно выказывал величайшую человечность, высочайшую дисциплину, наименьшую враждебность к мирным жителям, безоружным гражданам, — можно поставить сто против одного, что они назовут вам русского солдата. А если вам захочется узнать, кто был самым необузданным и самым хищным, — о, это уже не русский солдат» (Ф.И. Тютчев).
40. «Но Россия нам отечество: её судьба и в славе и в уничтожении равно для нас достопамятна» (Н.М. Карамзин).
41. «Русское государство обладает тем преимуществом перед другими, что оно управляется непосредственно самим Богом, иначе невозможно понять, как оно существует» (Х.А. Миних).
42. «Паче всего не забывай дела ратного, дабы не уготовить себе судьбы Империи Византийской» (Пётр I Великий).
43. «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности. Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие» (А.С. Пушкин).
44. «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг се-

- бя;... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал» (А.С. Пушкин).
45. «Разрозненных нас — сразу уничтожат, наша сила в единстве, воинстве, благодушной семейственности, умножающей прирост народа, да в естественном росте нашего внутреннего богатства и миролюбия» (Д.И. Менделеев).
46. «Русские — упрямый народ, и, если им однажды пришла в голову хорошая идея, они рано или поздно осуществят её с поистине русским размахом!» (К.М. Симонов)
47. «Надо отдать должное уму и такту наших предков... Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на них. И благодаря этому они устояли в вековой борьбе, утвердив как принцип не истребление соседей, а дружбу народов» (Л.Н. Гумилёв).
48. «Вам, господа, нужны великие потрясения; нам — нужна великая Россия» (П.А. Столыпин).
49. «Только тот народ, который чтит своих героев, может считаться великим» (К.К. Рокоссовский).
50. «Не всякий народ способен устроить из себя государство. Для этого нужно высшее политическое сознание и государственная воля, которая находится не у всякого» (Б.Н. Чичерин).
51. «Территориальные размеры России требуют сильной власти» (И.А. Ильин).
52. «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами...» (В.М. Шукшин).
53. «Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понюх табаку» (В.М. Шукшин).
54. «Не надейтесь, что единожды воспользовавшись слабостью России, вы будете получать дивиденды вечно. Русские всегда приходят за своими деньгами. И когда они придут — не надейтесь на подписанные вами

- иезуитские соглашения, якобы вас оправдывающие. Они не стоят той бумаги, на которой написаны. Поэтому с русскими стоит или играть честно, или вообще не играть» (О. фон Бисмарк).
55. «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать; по крайней мере, этого нельзя сделать... силами современных европейских государств... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров» (К. Клаузевиц).
56. «Россия — это континент, который притворяется страной. Россия — это цивилизация, которая притворяется нацией» (Ж. М. Баррозу).
57. «Правило № 1 на странице № 1 руководства по ведению войны гласит: «Не ходи на Москву!»» (Б. Монгомери).

Р.Э. ГЕРМАН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

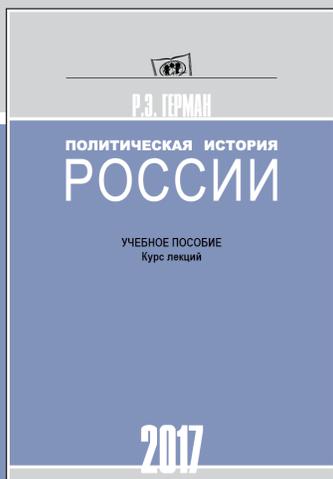
РОССИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ГБОУ ВО
«Ставропольский государственный педагогический институт».

Сдано в печать 25.12.2017. Усл. печ. л. 6,27. Гарнитура Georgia.

Отпечатано в типографии ООО «Дизайн-студия Б».
Ставрополь, ул. Краснофлотская, 88.

Учебное пособие написано в соответствии с программой подготовки бакалавров по направлению 44.03.05 — Педагогическое образование с двумя профилями подготовки, профили «История» и «Обществознание». В нем с учетом современных достижений исторической и политической науки рассматривается историческое развитие основных сфер политической жизни нашей страны. Пособие разделено на 7 тем (разделов), каждый раздел включает лекционный материал, список основных терминов и понятий темы, вопросы и задания для самопроверки студентов, список литературы. Учебное пособие будет полезно и интересно не только студентам бакалавриата, но и учителям истории и обществознания средних школ.